

Военный вождь Оттавы. Хроника Восстания Понтиака

Томас Гатри Маркиз

**The War Chief of the Ottawas : A chronicle
of the Pontiac war**

Thomas Guthrie Marquis

Электронная книга проекта " Гутенберг " Военный вождь Оттавы. Хроника Восстания Понтиака

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Военный вождь Оттавы. Хроника Восстания Понтиака

Автор: Томас Гатри Маркиз

Дата выхода: 2 апреля 2005 г. [Электронная книга № 15522]

Последнее обновление: 14 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Этот текст был подготовлен Гарднером Бьюкененом

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА " ВОЕНАЧАЛЬНИК ОТТАВЫ : ХРОНИКА
В ОССТАНИЯ ПОНТИАКА " ***

Этот текст был подготовлен Гарднером Бьюкененом.

ХРОНИКИ КАНАДЫ

Под редакцией Джорджа М. Вайна и Х. Х. Лэнгтона

В тридцати двух томах

Том 15

ВОЕННЫЙ ВОЖДЬ ОТТАВЫ

Хроника Восстания Понтиака

ТОМАС ГАТРИ МАРКИЗ

ТОРОНТО, 1915

Содержание

I. ВРЕМЕНА И ЛЮДИ II. ПОНТИАК И ПЛЕМЕНА ГЛУБИНКИ III. НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ IV. ОСАДА ДЕТРОЙТА V. ПАДЕНИЕ МАЛЫХ ФОРТОВ VI. ОСВОБОЖДЕНИЕ ФОРТА ПИТТ VII. ЕЩЕ РАЗ ДЕТРОЙТ VIII. ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ В ИНДИИ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

ГЛАВА I

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

В сентябре 1760 года во всех Тринадцати колониях царило ликование, когда пришло известие о капитуляции Монреаля. Горели костры, и в церквях и молитвенных домах возносились молитвы в благодарность за избавление от врага, который более ста лет преследовал индейцев и заставлял их разорять приграничные поселения. Французские армии потерпели поражение на суше; французские флоты потерпели поражение на море. Войска противника были выведены из Северной Америки, и Франция была настолько бессильна на океане, что, даже если бы успех увенчал ее боевые действия на европейском континенте, где все еще бушевала Семилетняя война, для нее было бы невозможно перебросить новые силы в Америку. Главные французские форты в Америке были заняты британскими войсками. Луисбург был стерт с лица земли; британский флаг развевался над Квебеком, Монреалем и Ниагарой, и вскоре должен был быть поднят на всех меньших фортах на территории, известной как Канада. Только долина Миссисипи от реки Иллинойс к югу оставалась за Францией. Венсен на реке Уобаш и форт Шартр на Миссисипи были единственными постами во внутренних районах, занятыми французскими войсками. Эти должности находились в ведении правительства Луизианы; но даже на них американские колонии были готовы претендовать, основываясь на своих хартиях "от моря до моря".

Британцы в Америке сочли полосу земли между Аллеганскими горами и Атлантическим Океаном слишком узкой для быстро растущего населения, но их продвижение на запад было остановлено французами. Теперь, хвала Господу, французы были убраны с дороги, и американские торговцы и поселенцы могли эксплуатировать прибыльные пушные промыслы и богатые сельскохозяйственные угодья региона за горами. Правда, там были индейцы, но они не считались грозными противниками. Больше не было повода считаться с индейцами — так думали колонисты и британские офицеры в Америке. Краснокожие были силой, с которой приходилось считаться только потому, что французы снабдили их боевыми припасами, но теперь с ними можно было обращаться как с другими обитателями леса — медведями, волками и дикими кошками. За эту ошибочную политику британским колониям пришлось дорого заплатить.

Французы и индейцы, за одним исключением, с самого начала были в дружеских отношениях. Причина этого заключалась в том, что французы относились к индейцам с нарочитой добротой. Единственным исключением была Лига ирокезов, или Шесть наций. Шамплен в первые годы своего пребывания в Квебеке присоединился к алгонкинам и гуронам в нападении на них, чего они никогда не забывали; и, несмотря на благородные усилия французских миссионеров и щедрые дары, ирокезская колючка осталась на стороне Новой Франции. Но с другими индейскими племенами французы работали рука об руку, с Крестом и священником, всегда опережавшими стаю торговцев. Французские миссионеры были первыми белыми людьми, поселившимися в густонаселенной стране гуронов близ озера Симко. Миссионер был первым европейцем, мельком увидевшим залив Джорджиан, и миссионер, вероятно, был первым

представителем французской расы, спустившим свое каноэ на воду по величественной Миссисипи. Как отец, священник присматривал за своей дикой паствой, в то время как французские торговцы братались с краснокожими и часто спаривались со смуглыми красавицами. Многие французские торговцы, по словам сэра Уильяма Джонсона — авторитетного человека, о котором мы узнаем больше позже, — были "джентльменами по манерам, характеру и одежде" и доброжелательно относились к туземцам. В крупных торговых центрах — Монреале, Трехречье и Квебеке — вождей по-королевски встречали барабанным боем и ружейным салютом. Сам губернатор — "Большая гора", как они его называли, — протягивал им приветственную руку и принимал участие в их пирах и советах. На внутренних факториях индейцы получали товары для зимней охоты в кредит, а чиновники нагружали их подарками. Обычай дарить подарки возоблада до такой степени, что это стало тяжелым налогом для казны Франции, незначительным, однако, по сравнению с альтернативой содержания вооруженных сил во внутренних районах страны. Индейцы тоже сражались бок о бок с французами во многих заметных сражениях. Они помогали Монкальму и участвовали в таких триумфах, как поражение при Брэддоке. Они были не только друзьями французов, они были товарищами по оружию.

Британские колонисты, конечно, не могли питать дружеских чувств к племенам, которые становились на сторону их врагов и часто опустошали их дома и убивали их людей. Но следует признать, что с самого начала британцы в Америке сильно отставали от французов в христианском поведении по отношению к местным расам. Колониальные торговцы обычно презирали индейцев и относились к ним исключительно как к коммерческим ценностям, как к собирателям шкур, и ценили их жизни немногим больше, чем жизни животных, которые добывали шкуры. Миссионерское рвение Новой Англии, по сравнению с Новой Францией, было чрезвычайно умеренным. Ром был ведущим предметом торговли. Индейцев часто обманом лишали их мехов; в некоторых случаях их убивали, а их рюкзаки крали. Сэр Уильям Джонсон описал британских торговцев как "людей без рвения или способностей: людей, которые даже жертвуют кредитом нации ради самых низменных целей". Были, конечно, исключения в лице таких людей, как Александр Генри и сам Джонсон, который, помимо того, что был мудрым чиновником и успешным военачальником, был одним из ведущих торговцев.

Как только Новая Франция была побеждена, британцы начали строить новые форты и блокаузы во внутренних районах страны. [Примечание: Под внутренними районами подразумеваются, конечно, регионы за пределами зоны расселения; грубо говоря, все к западу от Монреаля и Аллеганских гор.] Поскольку с французами больше нельзя было считаться, зачем были нужны эти форты? Очевидно, думали индейцы, чтобы держать в повиновении краснокожих детей и лишить их охотничьих угодий! Сады, которые они видели возделанными вокруг фортов, были для них предвестниками всеобщего заселения. Французы довольствовались торговлей; британцы присвоили земли для земледелия, и приход белых поселенцев означал исчезновение дичи. Индейские вожди увидели в этих фортах и возделанных полосах земли желание истребить краснокожего и присвоить его территорию; и они были недалеко от истины.

Среди индейцев также действовали внешние влияния. Вскоре после ухода французских войск жители вдоль реки Святого Лаврентия научились приветствовать смену правительства. Их оставили спокойно возделывать свои фермы. Сборщик налогов больше не выжимал из них последние су, как во времена фанатизма; и их сыновей, чей труд был необходим на фермах и в мастерских, не заставляли братья за оружие. У них были мир и изобилие, и они были довольны.

Но во внутренних районах все было по-другому. В Детройте, Мичилимакинаке и других фортах находились французские торговые общины, которые, находясь вдали от военных действий и правительства, медленно осознавали, что они больше не подданные французского короля. Сами враждебные, эти французские торговцы, естественно, поощряли враждебное отношение индейцев к прибывающим британцам. Они сказали, что французский флот и армия находятся на пути в Канаду, чтобы вернуть эту территорию. Даже если Канада будет потеряна, Луизиана все равно останется французской, и, если только удастся не допустить британцев на запад, торговля, которая до сих пор шла по реке Святого Лаврентия, теперь может пойти по Миссисипи.

Главнокомандующий британскими войсками в Северной Америке сэр Джеффри Амхерст презирал красных. Они были "пригодны только для того, чтобы жить с обитателями лесов, будучи более близкими к Животным, чем к человеческому созданию". Другие британские офицеры придерживались примерно такого же отношения. Полковник Генри Буке, отвечая на предложение Амхерста о том, что одеяла, зараженные оспой, можно было бы распространять среди дикарей с благой целью, не только согласился со взглядами Амхерста, но и предложил использовать собак для охоты на них. "Вы преуспеете, - писал Амхерст Букету, - если попытаетесь привить индейцев с помощью Одеял, а также испробуете все другие методы, которые могут послужить искоренению этой Отвратительной Расы. Я был бы очень рад, если бы ваш план охоты на них с собаками возымел действие, но Англия сейчас находится слишком далеко, чтобы думать об этом". А майор Генри Глэдвин, который, как мы увидим, доблестно удерживал Детройт в течение нескольких месяцев изнурительной осады, считал, что неограниченная продажа индейцам рома уничтожит их быстрее, чем пороха и дроби, и с меньшими затратами.

Однако в Америке был, по крайней мере, один британский офицер, который не придерживался подобных взглядов по отношению к местным жителям. Сэр Уильям Джонсон своим сочувствием и великодушием завоевал дружбу Шести наций, самых отважных и самых жестоких из индейских племен. [Примечание: Подробнее о сэре Уильяме Джонсоне читайте в *"Главнокомандующем шести наций"* из этой серии.] Недавно один писатель сказал, что Джонсон был "таким же индейцем, как и белым человеком". [Сноска: *"История Канады" Лукаса, 1763-1812*, стр. 58.] Ничто не могло ввести в большее заблуждение. Джонсон был просто просвещенным ирландцем с широкими симпатиями, который мог чувствовать себя как дома во дворце, хижине или вигваме. Он был проницательным дипломатом, способным отстоять свою точку зрения в споре с самыми образованными и опытными законодателями колоний, успешным военачальником, самым успешным торговцем; и, вероятно, в Америке не было более прогрессивного и ученого фермера. У него был развитый ум; заказы, которые он посылал в Лондон за книгами, показывают, что он был в некотором роде ученым и в минуты досуга предавался серьезному чтению. Его советы торговым магнатам относительно колониальных дел были советами государственного деятеля. Он брался с голландскими поселенцами по соседству и с индейцами, где бы он их ни находил. В Детройте в 1761 году он проникся духом французских поселенцев и с энтузиазмом участвовал в их застольях и танцах. Он был одним из тех редких персонажей, которые могут быть всем для всех людей и при этом сохранить незапятнанное имя. Индейцы любили его как верного друга, и его домом для них был Либерти-Холл. Если бы не этот человек, восстание индейцев против британского правления приобрело бы больший размах. В критический период ему удалось сохранить лояльность шести наций, за исключением сенека. Это было наиболее важно, ибо, если бы Шесть наций присоединились к

войне против британцев, вполне вероятно, что ни один форт к западу от Монреаля не устоял бы. Линия связи между Олбани и Освиго была бы перерезана, провиант и войска не смогли бы быть переброшены, и, неизбежно, Ниагара и Детройт пали бы.

Но как бы то ни было, война Понтиаков оказалась достаточно серьезной. Она распространилась на север до Су-Сент-Мари и на юг до границ Южной Каролины и Джорджии. Детройт был отрезан на месяцы; индейцы вытеснили британцев из всех других пунктов на Великих озерах к западу от озера Онтарио; какое-то время они победоносно теснили свои военные отряды, грабя, сжигая и убивая, от Миссисипи до границ Нью-Йорка. В течение 1763 года в Америке погибло больше британцев, чем в памятном 1759 году, году осады Квебека и всемирно известной битвы на равнинах Авраама.

ГЛАВА II

ПОНТИАК И ПЛЕМЕНА ГЛУБИНКИ

Главным среди индейских лидеров был Понтиак, верховный главнокомандующий Оттавской конфедерации. Было принято говорить об этом вожде как о человеке, обладавшем "княжеским величием" и "почитаемом своими подданными". Но не демонстрацией княжеского достоинства и не внушением благоговения он повлиял на своих кровожадных последователей. Его главными чертами характера были предательство и жестокость, и его превосходство в этих качествах вызывало у них уважение. Его поведение при осаде Детройта, как мы увидим, было отмечено двуличием и дьявольской жестокостью. Его часто превозносили за его мастерство военачальника, и в его осаде Детройта и в убийственной изобретательности некоторых из его рейдов есть немало подтверждений этой точки зрения. Но его главная претензия на отличие обусловлена его положением главы конфедерации — в то время как другие вожди в конфликте были всего лишь вождями отдельных племен — и тем фактом, что он находился в самом центре театра военных действий. Новости из Детройта могли быстро разноситься по маршрутам катания на каноэ и лесным тропам среди других племен, и таким образом случилось, что, когда Понтиак нанес удар, вся индейская страна поднялась с оружием в руках. Но доказательства ясно показывают, что, за исключением нападений на Детройт и соседние блокгаузы, он не принимал участия в планировании нападений. Война в целом была войной без лидера.

Давайте теперь ненадолго взглянем на индейцев, принимавших участие в войне. Непосредственно под влиянием Понтиака оказались три племени — оттавы, чиппева и потаватоми. У них были свои охотничьи угодья главным образом на полуострове Мичиган, и они образовали так называемую Оттавскую конфедерацию или Конфедерацию Трех огней. В лучшем случае это была рыхлая конфедерация, в которой не было ничего от организованной силы Шести наций. Индейцы в ней принадлежали к низкому типу — погрязли в дикости и суевериях. Такой лидер, как Понтиак, естественно, привлекал их. Они существовали за счет охоты и рыбной ловли — сегодня пировали, а завтра умирали с голоду - и их легко воодушевляла надежда на добычу. Слабо укомплектованные форты, в которых хранились провизия белого человека, боеприпасы и припасы торговцев, были привлекательной приманкой для таких дикарей. Однако внутри конфедерации были те, кто не сплотился вокруг Понтиака. Оттава из северной части Мичигана под влиянием своего священника оставались дружелюбными к британцам. Включая оттаву и чиппева из Оттавы и озера Верхнее, конфедераты насчитывали много тысяч человек; однако ни разу Понтиак не мог командовать из их числа более чем тысячей воинов.

В тесном союзе с Конфедерацией Трех Огней находились племена, обитавшие к западу от озера Мичиган, — меномины, виннебагои, саксы и фоксы. Эти племена могли выставить в поле боя около тысячи двухсот воинов; но ни одно из них не принимало участия в войне, за исключением одного случая, когда саксы, движимые надеждой на добычу, помогли чиппева захватить форт Мичилимакинак.

Вайандоты, жившие на реке Детройт, были остатками древних гуронов знаменитой миссии близ озера Симко. Более века они были связаны с французами узами дружбы. Они были смелыми, умными и во всех отношениях стояли на более высоком жизненном уровне, чем племена Оттавской конфедерации. Их двумстам пятидесяти храбрецам предстояло стать самыми важными союзниками Понтиака в осаде Детройта.

К югу от полуострова Мичиган, примерно в верховьях рек Моми и Уобаш, жили индейцы миами, численностью, вероятно, около полутора тысяч человек. Под влиянием французских торговцев и эmissаров Понтиака они вступили на тропу войны, и таким образом британцы были отрезаны от торгового пути между озером Эри и рекой Огайо.

Только что упомянутые племена были единственными, кто попал под прямое влияние Понтиака. Дальше на юг были другие народы, которым предстояло участвовать в надвигающейся борьбе. У вайандотов из залива Сандаски, расположенного в юго-западной части озера Эри, было около двухсот воинов, и они были в союзе с сенеками и делаваарами. Живя недалеко от Детройта, они смогли помочь в осаде Понтиака. Непосредственно к югу от них, вдоль реки Сьото, жили шауни — племя, которое позже дало начало великому текумсе, — с тремя сотнями воинов. К востоку от Шауни, между Маскингамом и Огайо, жили делаваары. Когда-то это племя жило по обе стороны реки Делавер в Пенсильвании и Нью-Йорке, а также в некоторых частях Нью-Джерси и Делавера. Они называли себя *Лени-ленапе*, настоящими мужчинами; но, тем не менее, были завоеваны ирокезами, которые "сделали из них женщин", лишив их права объявлять войну или продавать землю без разрешения. Позже, заключив союз с французами, они отвоевали свою былую независимость. Но они лежали на пути заселения белыми, и их вытесняли с одних охотничьих угодий за другими, пока, наконец, им не пришлось искать пристанища за пределами Аллегани. Британцы отняли у делавааров их древние земли, и делаваары ненавидели неугасимой ненавистью расу, причинившую им вред. Они собрали шестьсот воинов.

Почти прямо к югу от форта Ниагара, в верховьях рек Джинеси и Аллегани, располагались дома сенекас, одной из Шести наций. Это племя смотрело на британских поселенцев в районе Ниагары как на скваттеров на своей территории. Именно Сенеки, а не Понтиаки, начали заговор с целью уничтожения британцев во внутренних районах страны, и в последовавшей за этим войне приняли участие более тысячи воинов-сенеков. К счастью, как уже упоминалось, сэру Уильяму Джонсону удалось сохранить верность британцам среди других племен Шести наций, но "привратники Длинного Дома", как называли сенека, держались отчужденно и враждебно.

Таким образом, мотивы индейцев во время восстания 1763 года можно резюмировать следующим образом: дружба с французами, враждебность по отношению к британцам, надежда на грабеж и страх агрессии. Первые три были главными мотивами, побудившими индейцев Понтиака отправиться в Детройт. Они называли это "Бобровой войной". Для них это была война в пользу французских торговцев, которые нагружали их подарками, и против

британцев, которые прогнали их с пустыми руками. Но сенека и делавары вместе со своими союзниками из долины Огайо рассматривали это как войну за свои земли. Индейцы уже были вытеснены со своих охотничьих угодий в долинах Джуниата и Саскуэханна. Следующей должна была стать долина Огайо, если только индейцы не встанут на тропу войны. У тамошних вождей были веские причины для тревоги. В Детройте все было не так, как в Понтиаке, потому что никакие поселенцы не вторгались в его охотничьи угодья. И именно из-за отсутствия веских мотивов кампания Понтиака, как будет показано ниже, сорвалась еще до окончания войны; что даже его собственные союзники покинули его; и что, пока сенека и делавары все еще держались, он скитался по индейской стране в тщетной попытке собрать своих рассеянных воинов.

ГЛАВА III

НАДВИГАЮЩАЯСЯ БУРЯ

Когда Монреаль капитулировал и вся Канада перешла в руки Великобритании, долгом сэра Джеффри Амхерста, главнокомандующего, было организовать оборону страны, отвоеванной у Франции. Генерал Гейдж был оставлен командовать в Монреале, полковник Бертон - в Три-Риверсе, а генерал Мюррей - в Квебеке. Сам Амхерст отбыл в Нью-Йорк в октябре и больше никогда не посещал Канаду. Тем временем были предоставлены средства, хотя и весьма недостаточные, для размещения гарнизонов в длинной цепи фортов [Примечание: см. Прилагаемую карту. За исключением этих фортов или факторий, весь регион к западу от Монреаля в то время представлял собой практически сплошную дикую местность. На северном берегу реки Святого Лаврентия было несколько разрозненных поселений, на острове Перро и в Водрейе, а на южном берегу - в Сидаре и Шатоге; но что-либо похожее на непрерывность расселения на запад прекратилось с островом Монреаль.] который был основан французами на смутно очерченной индейской территории к западу. Военные удачи уже отдали британскому командованию восточный конец этой цепи. Форт Левис на территории нынешнего острова Чимни, в нескольких милях к востоку от Огденсбурга, был захвачен. Форт Фронтенак был разрушен Брэдстри и остался без гарнизона. Британские войска отвечали за форт Освего, который был построен в 1759 году. Ниагара, сильнейший форт на Великих озерах, был взят сэром Уильямом Джонсоном. Рядом с ним находились два форта поменьше, один у подножия порогов, где сейчас стоит Льюистон, а другой, форт Шлоссер, на том же берегу реки, над водопадом. Форты Прескиль, Ле-Беф и Венанго на торговом пути между озером Эри и фортом Питт, а также сам Форт Питт также были заняты. Но весь запад от форта Питт был для британцев неизвестной страной. Сандаски на юго-западной оконечности озера Эри; Детройт, охраняющий проход между озерами Эри и Сент-Клер; Майами и Уиатанон на торговом пути между озером Эри и Вабашем; Мичилимакинак у входа в озеро Мичиган; Грин—Бей (La Baye) на южной оконечности Грин-Бэй; Сент-Джозеф на озере Мичиган; Су-Сен-Мари у входа в озеро Верхнее - всеми по-прежнему командовали французские офицеры, как и при Новой Франции.

Задача поднятия британского флага над этими фортами была возложена на майора Роберта Роджерса из Новой Англии, который командовал "Рейнджерами Роджерса", знаменитым отрядом индейских бойцов. 13 сентября 1760 года Роджерс с двумя сотнями рейнджеров на пятнадцати вельботах вышел из Монреаля. 7 ноября отряд без происшествий достиг реки, названной Роджерсом Чогаге, очевидно, Кайахога, на южном берегу озера Эри. Здесь войска высадились, вероятно, на месте нынешнего города Кливленд; и Роджерса посетила группа

индейцев Оттавы, которым он рассказал о завоевании Канады и об отступлении французских армий из страны. Он добавил, что его войска были посланы главнокомандующим, чтобы заменить для их отца, короля Англии, западные посты, все еще удерживаемые французскими солдатами. Затем он предложил им пояс мира, который они приняли, и попросил их поехать с ним в Детройт, чтобы принять участие в капитуляции и "увидеть правду" о том, что он сказал. Они пообещали дать ему ответ на следующее утро. Калумет курили индейцы и офицеры по очереди; но была соблюдена тщательная охрана, поскольку Роджерс с подозрением относился к индейцам. Однако утром они вернулись с благоприятным ответом, и младшие воины отряда согласились сопровождать своих новых друзей. Из—за штормовой погоды прошла почти неделя — индейцы, снабжавшие лагерь олениной и индейкой, за которые Роджерс щедро им платил, - прежде чем 12 ноября отряд двинулся в сторону Детройта.

Детройт в это время находился под командованием сьера де Белетра, или Бельестре. Этот офицер занимал этот пост с 1758 года и ничего не слышал о капитуляции Монреаля. Роджерс, чтобы проложить путь, заранее отправил одного из своих людей с письмом Белетру, уведомляющим его, что западные посты теперь принадлежат королю Георгу, и сообщаящим ему, что он приближается с письмом от маркиза де Водрейля и копией капитуляции. Белетр был раздражен; французские армии потерпели поражение, и он был близок к тому, чтобы потерять свой пост. Сначала он отказался поверить этим новостям; и, по-видимому, он пытался поднять жителей и индейцев вокруг Детройта на сопротивление приближающимся британцам, поскольку 20 ноября несколько вайандотских сахемов встретили наступающий отряд и сказали Роджерсу, что четыреста воинов находятся в засаде у входа в реку Детройт, чтобы помешать его продвижению. Вайандоты пожелали узнать правду о завоевании Канады и, убедившись, что это не выдумка, отбыли "в хорошем настроении". 23-го числа прибыли индейские посланцы, среди которых был вождь Оттавы [Примечание: в дневнике Роджерса об этой поездке имя Понтиака не упоминается. В *Кратком отчете о Северной Америке*, опубликованном в 1765 году, с именем Роджерса на титульном листе, приводится подробный отчет о встрече с Понтиаком в Кайахоге, но подлинность этой книги кажется сомнительной. Однако Паркман принял это предложение.] прибыл в британский лагерь на западной оконечности озера Эри, сообщив, что Белетр намеревался сразиться и что он арестовал офицера, который передал послание Роджерса. Главной причиной, по которой Белетр усомнился в правдивости заявления Роджерса, по-видимому, было то, что ни один французский офицер не сопровождал британский контингент из Монреаля.

Когда войска вошли в реку Детройт, Роджерс отправил капитана Дональда Кэмпбелла в форт с копией капитуляции Монреаля и письмом Водрейля, в котором Белетру предписывалось сдать свой форт британцам. Эти документы были убедительными, и Белетр [Примечание: хотя Белетр принял Роджерса и его людей отнюдь не дружелюбно, он, похоже, вскоре примирился с британским правлением, поскольку в 1763 году он был назначен в первый Законодательный совет Канады и до своей смерти в мае 1793 года был весьма уважаемым гражданином Квебека.] согласился, хотя и без особой любезности; и 29 ноября Роджерс официально вступил во владение Детройтом. Это была впечатляющая церемония. Около семисот индейцев собрались в окрестностях форта Детройт и, всегда готовые встать на сторону победившей стороны, появились у частокола, раскрашенные и украшенные перьями в честь этого события. Когда были опущены французские лилии и развевался на ветру крест Святого Георгия, варварская орда издала дикие крики восторга. Новые богатые люди пришли в их охотничьи угодья, и у них были мечты о неограниченных подарках в виде одежды, боеприпасов и рома. После взятия

форта ополченцев созвали, разоружили и заставили принести присягу на верность британскому королю.

Капитан Кэмпбелл был назначен командующим фортом, а Белетр и другие военнопленные были отправлены в Филадельфию. Два офицера были отправлены с двадцатью солдатами, чтобы вывести французские войска из фортов Майами и Уиатанон. Несколько солдат были размещены в форте Майами, чтобы информировать офицеров в Детройте о любых интересных событиях в этом районе. Поскольку в Детройте не хватало провизии, Роджерс отправил большую часть своих войск на Ниагару; 10 декабря отправился в Мичилимакинак с офицером и тридцатью семью солдатами. Но штормовая погода и лед отбросили его назад, и он был вынужден на нынешний год отказаться от попыток разместить гарнизоны на постах на озерах Гурон и Мичиган. Оставив все в покое в Детройте, Роджерс отправился в форт Питт, и на девять месяцев форты Оттавской конфедерации были предоставлены самим себе.

Тем временем индейцы впадали в состояние волнения. Подарков, от которых так сильно зависело их существование, не поступало, и в воздухе носились слухи о неприятностях. Сенека, шауни и делавары отправляли боевые пояса на восток и запад, на север и юг. Готовился заговор с целью захвата Питта, Ниагары и Детройта. Послы сенеки посетили вайандотов в окрестностях Детройта, убеждая их напасть на гарнизон. После расследования капитан Кэмпбелл доложил Амхерсту, что восстание индейцев неизбежно, и раскрыл заговор, инициированный Сенеками, который был идентичен заговору, созревшему впоследствии в 1763 году и приписываемому инициативе Понтиака. Кэмпбелл предупредил комендантов других фортов об опасности, и индейцы, видя, что их планы раскрыты, заняли миролюбивую позицию.

Тем не менее, ситуация была критической; и, чтобы ослабить враждебность местных жителей и завоевать их доверие, Амхерст отправил сэра Уильяма Джонсона в Детройт с инструкциями "заключить прочный и долговременный договор" между Британией, Оттавской Конфедерацией и другими нациями, населяющими индейскую территорию, регулировать торговлю мехом на постах и устанавливать цены на одежду и провизию. Он также должен был собрать как можно более исчерпывающую информацию об индейцах, их манерах и обычаях, а также об их жилищах. Он должен был выяснить, есть ли у французов какое-либо судоходство на озерах Гурон, Мичиган и Верхнее, каковы наилучшие торговые точки и какую цену французы платят за шкуры. Он также должен был узнать, если возможно, как далеко простираются границы Канады до Миссисипи, и сколько французских постов, поселений и жителей вдоль этой реки.

Сэр Уильям покинул свой дом в Форт-Джонсоне на реке Мохок в начале июля 1761 года. Едва он начал свое путешествие, как его предупредили, что продолжать его опасно, поскольку страны запада настроены недружелюбно и наверняка нападут на его отряд. Но Джонсон был уверен, что его присутствие среди них положит конец "любому подобному злонамеренному замыслу". По мере того как он продвигался вверх по озеру Онтарио, тревожные сообщения продолжались. Сенека, которые уже украли лошадей у белых и взяли в плен, отправляли послов за границу, пытаясь побудить другие страны напасть на британцев. Джонсон узнал также, что британские торговцы обманывали индейцев в торговле; что на нескольких постах с ними грубо обращались, очень часто без причины; что их женщин забирали у них насильно; и что им мешали охотиться и ловить рыбу на их собственной территории вблизи постов, у них отбирали даже то, что они ловили или убивали. Он также слышал, что воины Сенеки и Оттавы были убиты белыми возле фортов Питт и Венанго. На Ниагаре его посетили вожди племени Сенека, которые

пожаловались, что поблизости был ранен один из их воинов и что у них украли четырех лошадей. Джонсон, очевидно, поверил этой истории, поскольку дал им "два бочонка рома, немного краски и денег, чтобы возместить их потерю", и они ушли от него вполне довольные. На озере Эри множились рассказы о враждебности индейцев. Они были готовы к восстанию; еще до отъезда с Ниагары Джонсон из достоверных источников узнал, что индейцы "определенно были полны решимости восстать и пасть против англичан" и что "несколько тысяч оттавцев и других народов" согласились присоединиться к недовольному члену "Шести наций в этом плане или заговоре". Но Джонсон продолжал свой путь, уверенный, что сможет развеять недовольство и склонить все народы к дружбе.

Когда сэр Уильям прибыл в Детройт 3 сентября, его приветствовали мушкетные залпы индейцев и пушки форта. Его репутация великого управляющего делами индейцев, друга краснокожих, опередила его, и он был радостно принят и сразу же получил помещение в доме бывшего коменданта Детройта Белетра. На следующий день после его прибытия вайандоты и другие индейцы вместе со своим священником, отцом Пьером Потье (Джонсон называл его Потти), прислуживали ему. Он обращался с ними по-королевски, угощал трубками, табаком и шашлыком из большого быка, зажаренного целиком. Он нашел французских жителей самыми дружелюбными, особенно Пьера Шена, более известного как Ла Бют, переводчика вайандотов, и Сен-Мартина, переводчика оттавов. Дамы поселения нанесли ему визит, и их угостили пирожными, вином и горячительными напитками. Офицеры и поселенцы гостеприимно принимали его, а взамен он дал несколько балов, на которых, по—видимому, танцевал с "мадемуазель Кюри — прекрасной девушкой". Эта жизнерадостная леди, очевидно, произвела впечатление на впечатлительного ирландца, поскольку после второго бала — "никогда прежде в Детройте не было такого блестящего мероприятия" - он записывает в своем личном дневнике: "Обещал передать мадемуазель Кюри мои чувства".

Во время Ниагарского похода на запад к Джонсону присоединился майор Генри Глэдвин, на которого Амхерст возложил обязанности по размещению гарнизонов в западных фортах и лично принял командование фортом Детройт. Глэдвин покинул Ниагару на день или два раньше Джонсона, но по пути к своему новому командованию его охватила сильная лихорадка, и он был полностью недееспособен. На Джонсона легла задача договориться о все еще незанятых должностях. Он выполнил работу со своей обычной быстротой и скрупулезностью и к 10 сентября отправил людей из легкой пехоты Гейджа и Королевских американских войск из Детройта в Мичилимакинак, Грин-Бей и Сент-Джозеф.

Вожди различных племен съехались в Детройт, чтобы посоветоваться с сэром Уильямом. Он покори их всех своими сладкими речами и щедрой раздачей подарков; ему сказали, что его "подарки сделали солнце и небо яркими и ясными, землю гладкой и ровной, дороги приятными"; и они просили, чтобы он "продолжал сохранять такое же дружеское расположение к ним, и они были бы счастливым народом". Завершив свою работу, 19 сентября Джонсон отправился домой, оставив после себя обещание мира на территории Индии. [Примечание: Примечательно, что Джонсон ни в своем личном дневнике, ни в официальной переписке не упоминает о Pontiac. Вождь Оттавы, по-видимому, не играл заметной роли в заговорах 1761 и 1762 годов.]

На какое-то время визит Джонсона в Детройт возымел благотворное действие, и 1761 год закончился лишь с незначительными признаками волнений среди индейцев; но весной 1762

года воздух снова стал тяжелым из-за угрожающего шторма. Индейцы долины Огайо снова присылали свои боевые пояса и окровавленные топоры. В нескольких случаях были убиты и скальпированы англичане, а лошади украдены. Шауни и делавары удерживали британских пленников, которых они отказались сдать. По приказу Амхерста подарки были задержаны. До тех пор, пока они не сдадут всех пленников и не проявят должного настроения по отношению к британцам, он будет запрещать любые подарки, полагая, что "должное соблюдение только этого вскоре принесет больше, чем когда-либо можно было ожидать от их подкупа". Ответом шауни и делаваров на его приказы были кражи лошадей и терроризирование торговцев. Сэр Уильям Джонсон и его помощник вофисе Джордж Кроган предупредили Амхерста об опасности, которой он подвергается, разжигая ненависть дикарей. Кроган в письме к Буке сказал: "Я не одобряю план генерала Амхерста слишком сильно огорчить их, поскольку, по моему мнению, они не будут задумываться о последствиях, если будут слишком сильно огорчены, хотя сэр Джеффри думает, что так и будет". Хотя на него сыпались предупреждения, Амхерст придерживался мнения, что "на нескольких постах нет необходимости в большем количестве постов, чем достаточно для поддержания связи, поскольку в наших нынешних обстоятельствах нечего бояться индейцев". Сэру Уильяму Джонсону он написал, что "не в силах индейцев повлиять на ситуацию". Все, что имеет значение.

Весной 1763 года туча войны была близка к тому, чтобы разразиться; но в далеком Нью-Йорке главнокомандующий не сумел разобраться в ситуации и остался глух к тем, кто предупреждал его, что война с индейцами со всеми ее ужасами неизбежна. Эти смутные слухи, как расценивал их Амхерст, о скором всеобщем восстании западных племен, приняли более определенную форму по мере приближения весны. Ближе к концу марта лейтенант Эдвард Дженкинс, комендант форта Уиатанон, узнал, что французские торговцы говорили индейцам, что британцы "скоро все окажутся в плену". Но больше всего тревоги вызвала информация из форта Майами о заговоре с целью захвата фортов и уничтожения гарнизонов. Индейцы, проживавшие неподалеку от форта, получили боевые пояса, а вместе с ними пришла просьба держать себя в готовности к нападению на британцев. Роберту Холмсу, коменданту форта Майами, удалось заполучить "кровавый пояс" и отправить его Глэдвину [Примечание: болезнь Глэдвина в 1761 году оказалась настолько тяжелой, что ему пришлось отправиться в Англию для восстановления сил; но в августе 1762 года он вернулся в Детройт в качестве коменданта.] который, в свою очередь, отправил его в Амхерст.

Теперь до племен Огайо дошла весть о Парижском договоре, но условия этого договора только усилили их волнения. 30 апреля 1763 года Кроган написал Амхерсту, что индейцы "обеспокоены тем, что большая часть Северной Америки была передана Великобритании", считая, что британцы не имеют никаких прав в их стране. "Мир, - добавил Кроган, - и известие о том, что так много этой страны отдано, привели их в замешательство и помешали им доставить своих пленников этой весной, как они обещали". Ответ Амхерста был таким: "Какие бы праздные представления они ни питали относительно уступок, сделанных французской короной, могут иметь очень мало значения". 20 апреля Глэдвин, хотя и не сразу осознал опасность, написал Амхерсту: "Они [индейцы] говорят, что мы хотим сделать из них рабов, захватив так много постов в стране, и что им лучше предпринять что-нибудь сейчас, чтобы вернуть свои права". свобода, чем ждать, пока мы лучше устроимся ". Даже когда весть о том, что индейцы действительно вышли на тропу войны, достигла Амхерста, он все еще отказывался верить, что это серьезно, и откладывал приготовления к сложившейся ситуации. По его словам, это была "опрометчивая попытка этого буйного племени сенека"; и, опять же, он был "убежден, что эта тревога

закончится не чем иным, как опрометчивой попыткой осуществить то, чем угрожали сенеки". Восемь британских фортов на западе были захвачены, а границы колоний залиты кровью, прежде чем он понял, что "дело индейцев было более масштабным, чем они предполагали".

Индейцы ждали только внезапного, смелого удара по какому-нибудь из британских постов, и в тот же миг они оказались бы на тропе войны от берегов озера Верхнее до границ самых южных колоний Великобритании. Вскоре должен был быть нанесен удар. Боевые пояса Понтиака были разосланы по радио, и страны, признавшие его верховным главнокомандующим, были готовы последовать за ним на бойню. Детройт занимал самое выгодное положение к западу от Ниагары; здесь было множество магазинов, и это был бы богатый приз. Поскольку Понтиак ежегодно посещал это место во время торгового сезона, он хорошо знал местность и был знаком с поселенцами, большинство из которых были далеки от дружелюбия к британцам. Против "Детройта" он поведет "уорриорз" под предлогом возвращения страны французам.

Весной 1763 года, вместо того чтобы отправиться прямо к своему обычному месту стоянки, острову на озере Сент-Клер, Понтиак разбил свой вигвам на берегу реки Экорсес, в десяти милях к югу от Детройта, и здесь ожидал племена, которых он созвал на совет, который должен был состояться "15—го числа луны" - 27 апреля. И в назначенное время почти пятьсот воинов — оттава, потаватоми, чиппева и вайандоты — со своими скво и папуасами собрались на месте встречи, отбросив мелкую племенную зависть и разногласия в сторону из-за их общей ненависти к "собакам в красном", британским солдатам.

Когда собрался совет, Понтиак обратился к ним с пламенными словами. Главе Оттавы в то время было около пятидесяти лет. Это был мужчина среднего роста, с более темным оттенком кожи, чем обычно бывает у индейцев, гибкий, как пантера, его мускулы были закалены жизнью в лесу и годами войн с врагами-индейцами и британцами. Подобно стремительному горному потоку, слова срывались с его губ. Его речь была сплошным потоком обличений британцев. В торговле они обманывали индейцев, отбирая у них меха, завышая цены на предметы первой необходимости и осыпая оскорблениями и побоями краснокожих, которые от французозов знали только доброту. Пришло время нанести удар. Говоря это, он размахивал красно-фиолетовым поясом вампум перед взорами возбужденных храбрецов. Это, по его словам, он получил от их отца, короля Франции, который приказал своим краснокожим детям сражаться с англичанами. Протягивая пояс, он дикими словами и яростными жестами рассказывал о победах, одержанных в прошлом индийцами над британцами, и по мере того, как он говорил, кровь его слушателей пульсировала в жилах от боевого пыла. Он взывал к их ненависти и чувству обиды, и он видел, что каждый присутствующий воин был с ним; но сильнее всего он взывал к их суеверию. Несмотря на то, что французские миссионеры были среди них на протяжении столетия, они все еще оставались язычниками, и для успеха его проекта было важно, чтобы они верили, что Учитель Жизни благоволит к их делу. Он рассказал им историю о Волке (штат Делавэр). Индеец, который побывал на небесах и разговаривал с Хозяином Жизни, получив инструкции сказать всем индейцам, что они должны "изгнать" и "начать войну" с "собаками в красных одеждах, которые не причинят вам ничего, кроме вреда". Когда он закончил, такие вожди, как Найневуа из чиппева и Такай из вайандотов — "плохие гуроны", как описывает их автор "Манускрипта Понтиака", чтобы отличить от паствы отца Потье, — высказались в похожих выражениях. Каждый присутствующий воин кричал о своей готовности отправиться на войну, и перед тем, как совет разошелся, было решено, что через четыре дня Понтиак "должен отправиться в форт со своими молодыми людьми на танец мира", чтобы получить информацию о

силе этого места. Удар должен быть нанесен до прибытия весенних лодок с Ниагары с припасами и дополнительными войсками. Совет подошел к концу, и различные племена разошлись по своим летним деревням, казавшимся мирными индейцами, собравшимися вместе для торговли.

ГЛАВА IV

ОСАДА ДЕТРОЙТА

Во время вспышки "Понтиака" в окрестностях форта Детройт проживало от тысячи до двух тысяч белых жителей. Тем не менее, это место было немногим больше, чем лесной пост. Поселенцы были отрезаны от цивилизации и узнавали новости о большом внешнем мире только весной, когда приходили лодки торговцев с припасами. Они были оторваны от Монреаля и Квебека, и им было трудно осознать, что они были подданными ненавистного короля Англии. Они не утратили уверенности в том, что армии Франции все же одержат победу и вытеснят британцев с Великих озер, и в этом мнении их укрепили торговцы с Миссисипи, которые приходили к ним. Но смена правителей мало что изменила в их жизни. Большинство из них были наняты торговцами, а представители высшего класса довольствовались тем, что возделывали свои узкие фермы и торговали с индейцами, которые периодически навещали их.

Поселение было широко разбросано, простираясь вдоль восточного берега реки Детройт примерно на восемь миль от озера Сент-Клер и вдоль западного берега примерно на шесть миль, четыре выше и две ниже форта. По обе стороны реки плодородные поля и длинный ряд побеленных невысоких домов с их садами и рощицами из яблонь и груш, огороженных округлыми частоколами, представляли собой картину мира и изобилия. Летом здешние жители оживлялись визитами индейцев и торговцев, а зимой они беззаботно коротали утомительные часы за сплетнями, танцами и застольями, подобно жителям берегов Ришелье и Святого Лаврентия.

Ополчение поселения, как мы видели, было лишено оружия при захвате Детройта Робертом Роджерсом; и по большей части поселенцы сохраняли невозмутимое отношение к своим завоевателям, от которых они не терпели лишений и чье правление не было жестоким. Британцам нечего было их бояться. Но индийцы были силой, с которой приходилось считаться. Поблизости находились три индейские деревни — Вайандот на восточном берегу реки, напротив форта; Оттава, в пяти милях выше, напротив острова Бель-Айл (Belle Isle); и Потаватоми примерно в двух милях ниже форта на западном берегу. Оттава могли собрать здесь 200 воинов, потаватоми - около 150 и вайандоты - 250, в то время как поблизости были чиппева, численностью 320 человек. Понтиак, хотя и был главным вождем оттава, не жил в деревне, но имел свой вигвам на острове Иль-а-ла-Печ, у выхода из озера Сен-Клер, в месте, где в изобилии водился сиг. Здесь он жил со своими скво и папузами, но не в "великолепии", а в убогой дикости. Между индейцами и французами существовали самые дружеские отношения; у многих жителей действительно были жены-индианки.

Недалеко от центра поселения, на западном берегу реки, примерно в двадцати милях от озера Эри, стоял Форт Детройт, миниатюрный городок. Он имел форму параллелограмма и был окружен частоколом высотой двадцать пять футов. Согласно письму офицера, стены имели протяженность более тысячи шагов. На каждом углу был бастион, а над каждым воротами - блокгауз. За городскими стенами находилось около сотни домов, маленькая католическая

церковь Святой Анны, дом совета, офицерские квартиры и ряд казарм. За одним или двумя исключениями, здания были деревянными, крытыми корой или соломой и стояли близко друг к другу. Улицы были чрезвычайно узкими; но сразу за частоколом широкая дорога огибала всю деревню. О духовном благополучии французских и индийских католиков в гарнизоне заботились отец Потье, иезуит, чья миссия находилась в деревне Вайандот, и отец Боке, Реколлет, живший на территории форта; командовал майор Генри Глэдвин. У него было сто двадцать солдат, а две вооруженные шхуны, "*Гладвин*" и "*Бивер*", стояли на реке неподалеку.

В первый день мая 1763 года Понтиак подошел к главным воротам форта с просьбой разрешить ему войти, поскольку он и сопровождавшие его воины, всего сорок человек, хотели показать свою любовь к британцам, станцевав калумет, или танец мира. Глэдвин не имел ни малейшего подозрения в злых намерениях и с готовностью признал их. Дикари выбрали место перед домами офицеров, и тридцать из них проделали свои гротескные телодвижения, крича и пританцовывая под музыку индейского барабана и все время размахивая своими клеветниками в знак дружбы. Пока танцоры были заняты этим, остальные десять человек из группы были заняты осмотром форта, отмечая количество людей и прочность частоколов. Танец длился около часа. Затем индейцам были розданы подарки, и все они удалились.

Понтиак созвал индейцев из Детройта на другой совет. По этому случаю вожди и воины собрались в доме совета в деревне Потаватоми к югу от форта. Когда все собрались вместе, Понтиак встал и, как на совете у реки Экорсес, в потоке слов и яростных жестов осудил британцев. Он заявил, что при новом занятии форт в стране индейцев краснокожими людьми пренебрегли и их нужды больше не удовлетворялись так, как это было во времена французов; что торговцы взимали непомерные цены за товары; что когда индейцы отправлялись в свои зимние лагеря на охоту за мехами, они больше не могли получать боеприпасы и одежду в кредит; и, наконец, что британцы желали смерти индейцев, и поэтому было необходимо в качестве акта самосохранения уничтожить их. Он еще раз продемонстрировал боевой пояс, который, как он притворился, получил от короля Франции. Этот пояс говорил ему нанести удар в его собственных интересах и в интересах французов. Он завершил свою речь словами, что отправил пояса чиппева из Сагино и оттавам из Мичилимакинака и реки Ла Транш (Темза). Видя, что его слова были встречены ворчанием и криками одобрения и что собравшиеся воины все до единого были с ним, Понтиак раскрыл разработанный им план захвата форта и уничтожения гарнизона. Он и примерно пятьдесят вождей и воинов должны были прислуживать Глэдвину под предлогом обсуждения важных вопросов. Каждый носил под одеялом ружье с укороченным стволом, чтобы его можно было спрятать. Воины и даже женщины должны были войти в форт как бы с дружеским визитом и занять выгодные позиции на улицах, готовые нанести удар томагавками, ножами и пистолетами, все это они должны были прятать под своими одеялами. На совете Понтиак должен был обратиться к Глэдвину и в знак притворной дружбы вручить ему пояс с вампумом. Если бы было разумно нанести удар, он бы, предъявив пояс, повернул его обратной стороной к Глэдвину. Это должно было стать сигналом к атаке. Немедленно одеяла должны были быть отброшены в сторону, а офицеры - расстреляны. При звуках стрельбы в зале совета индейцы на улицах должны были напасть на гарнизон, и каждый британский солдат должен был быть убит, при этом необходимо было позаботиться о том, чтобы ни один француз не пострадал. Этот план, благодаря своему вероломству и возможностям резни и грабежа, понравился дикарям; и они разошлись, чтобы подготовиться к утру 7-го, дня, выбранному для осуществления кровавого плана.

Заговор было трудно скрыть. Пришлось прибегнуть к помощи французских кузнецов, чтобы укоротить орудия. Более того, у британского гарнизона было несколько друзей среди индейцев. Едва заговор созрел, как он стал обсуждаться среди французов, и за день до предполагаемой резни о нем стало известно Гладвину. Его информатор точно не известен. Были упомянуты девушка из племени чиппева, старая скво, несколько французов и жительница Оттавы по имени Махиганн. Вполне возможно, что Глэдвин получил это из ряда источников, но, скорее всего, от Махиганна. В "Манускрипте Понтиака", вероятно, работе Роберта Наварры, хранителя нотариальных записей поселения, отчетливо говорится, что Мэиганн раскрыл детали заговора с просьбой, чтобы Глэдвин не разглашал его имя; ибо, если Понтиак узнает, информатор наверняка будет предан смерти. Это объясняет тот факт, что Глэдвин даже в своем отчете Амхерсту об этом деле не дает ни малейшего намека на человека, который ему рассказал.

Глэдвин немедленно занялся приготовлениями к приему Понтиака и его начальников. В ночь на 6-е солдатам и торговцам в форте были даны инструкции подготовиться к отражению нападения, и охрана была удвоена. Пока часовые вглядывались в темноту, их ушей время от времени достигали крики, улюлюканье и бой барабанов, повествующие о военном танце, который исполняли в индейских деревнях, чтобы воодушевить воинов на бойню.

Глэдвин решил действовать смело. Утром 7-го все лавки торговцев были закрыты, и каждый мужчина, способный носить оружие, был при оружии; но ворота, как обычно, остались открытыми, и вскоре после рассвета индейцы и скво по двое и по трое начали собираться в форте, как будто для торговли. В десять утра шеренга вождей с Понтиаком во главе двинулась по дороге, ведущей к речным воротам. Все были раскрашены и украшены перьями, и каждый был завернут в яркое одеяло. Войдя в форт, они были поражены, увидев военные приготовления, но стоически скрыли свое удивление. Прибыв в зал совета, вожди заметили часовых, стоящих при оружии, коменданта и его офицеров, сидящих с суровыми лицами, с пистолетами за поясом и мечами по бокам. Вожди были так встревожены всей этой воинственной демонстрацией, что прошло некоторое время, прежде чем они заняли свои места на приготовленных для них циновках. Наконец к ним вернулось самообладание, и Понтиак нарушил молчание, спросив, почему так много молодых людей стоят на улицах с оружием в руках. Через переводчика Ла Бьютта был дан ответ, что это для упражнений и дисциплины. Затем Понтиак обратился к Глэдвину, яростно протестуя против дружбы. Все время, пока он говорил, Глэдвин устремлял на него изучающий взгляд, и когда вождь собирался вручить пояс вампума, был подан сигнал, и барабаны грянули атаку. Все сомнения исчезли из головы Понтиака — его заговор был раскрыт. Его нервная рука опустила ремень безопасности; но он тут же взял себя в руки и представил все обычным образом. Глэдвин ответил на его речь строго, но любезно, сказав, что он будет пользоваться защитой и дружбой британцев до тех пор, пока он этого заслуживает. Затем индейцам раздали несколько подарков, и совет закончился. Вожди, все еще плотно завернувшись в одеяла, гуськом вышли из зала совета и разбрелись по своим деревням, сопровождаемые разочарованной толпой из трехсот индейцев, собравшихся в форте.

На следующее утро Понтиак в сопровождении трех вождей снова появился в форте, принес с собой трубку мира. Когда офицеры и начальники выкурили сигарету, он подарил ее капитану Кэмпбеллу в качестве еще одного знака дружбы. На следующий день он снова был у ворот в поисках пропуска. Но он нашел их закрытыми: Глэдвин почувствовал, что пришло время не

рисковать. Этим утром толпа потаватоми, оттава, вайандотов и чиппева заполонила пустошь на расстоянии выстрела. На просьбу Понтиака о встрече с Глэдвином ему строго сказали, что он может войти один. Ответ разозлил его, и он зашагал обратно к своим последователям. Теперь, с криками и боевыми кличами, отряды дикарей ускакали выполнять смертоносную миссию. В полумиле за фортом англичанка, миссис Тернбулл, и двое ее сыновей возделывали небольшую ферму. Все трое были немедленно убиты. Группа оттавцев вскочила в свои каноэ и быстро поплыла к острову о-Кошон, где жил бывший сержант Джеймс Фишер. Фишер был схвачен, убит и скальпирован, его молодая жена зверски убита, а двое их маленьких детей уведены в плен. В тот же день в форт поступило известие о том, что сэр Роберт Дейверс и капитан Робертсон были убиты тремя днями ранее на озере Сент-Клер чиппева, которые направлялись из Сагино, чтобы присоединиться к силам Понтиака. Так началась война Понтиаков в окрестностях Детройта. В течение нескольких месяцев гарнизону почти не приходилось отдыхать.

Той ночью в деревне Оттава поднялся отвратительный шум военного танца, и пока воины доводили себя до иступления, скво были заняты разбиейем лагеря. Еще до рассвета деревню перенесли на противоположный берег реки, а вигвамы разбили недалеко от устья Парентс-Крик, примерно в полутора милях выше форта. Утром 10-го осада началась всерьез. Вскоре после рассвета к северу, югу и западу слышались вопли орды дикарей. Но мало кто из врагов был виден, так как у них было отличное укрытие за сараями, надворными постройками и заборами. В течение шести часов они вели непрерывный огонь по гарнизону, но ранили только пятерых человек. Форт энергично отвечал огнем, и никто из врагов не осмеливался пытаться прорваться за частокол. Группа зданий в тылу укрывала особенно свирепых дикарей. На этой позиции была натренирована трехфунтовая пушка — единственная эффективная артиллерия в форте; шипы связывали проволокой, раскаляли докрасна и стреляли по зданиям. Вскоре они превратились в сплошное пламя, и дикари, прятавшиеся за ними, бежали, спасая свои жизни.

Вскоре индейцы устали от этой бесполезной войны и удалились в свои деревни. Глэдвин, думая, что ему удастся примирить Понтиака, послал Ла Батта спросить о причине нападения и сказать, что британцы готовы исправить любые обиды, от которых могут пострадать индейцы. Ла Бьютта сопровождали Жан Батист Шапотон, капитан ополчения и довольно важный человек в форте, и Жак Годфруа, торговец и тоже офицер ополчения. Следует отметить, что жена Годфруа была дочерью вождя из Майами. Понтиак дружелюбно принял послов, которые, казалось, были готовы прекратить военные действия. Ла Бьютт вернулся в форт с несколькими вождями, чтобы доложить о прогрессе; но когда он снова отправился в Понтиак, то обнаружил, что вождь Оттавы не дал никаких определенных обещаний. Судя по их дальнейшим действиям, представляется вероятным, что Шапотон и Годфруа предали Глэдвина и убедили Понтиака вытеснить британцев из страны. Теперь Понтиак потребовал, чтобы капитан Дональд Кэмпбелл, который отвечал за Детройт до того, как Глэдвин принял командование, приехал в его деревню, чтобы обсудить условия. Кэмпбелл был уверен, что сможет усмирить индейцев, и в сопровождении лейтенанта Джорджа Макдугалла отправился по речной дороге к лагерю оттава у Парентс-Крик. Когда два офицера пересекли мост в устье ручья, их встретила озверевшая толпа — мужчины, женщины и дети, — вооруженные палками и дубинками. Толпа бросилась на них с криками и угрожающими жестами и уже собиралась наброситься на полицейских, когда появился Понтиак и восстановил порядок. Был проведен совет, но поскольку Кэмпбелл не смог получить удовлетворения, он предложил вернуться в форт. Вслед за этим Понтиак заметил: "Мой отец будет спать сегодня ночью в хижинах своих краснокожих детей". Кэмпбеллу и

Макдугаллу предоставили хорошие покои в доме Жана Батиста Мелоша. Почти два месяца их держали взаперти.

До сих пор только часть вайандотов присоединилась к Понтиаку: отец Потье пытался сохранить нейтралитет своей паствы. Но 11-го Понтиак переправился в деревню Вайандот и пригрозил ей разрушением, если воины не возьмут в руки томагавки. На это принуждение они согласились, без сомнения, радуясь предлогу избавиться от дисциплины своего священника.

Была предпринята еще одна атака на форт, на этот раз около шестисот индейцев; но она оказалась такой же тщетной, как и предыдущая днем. Понтиак попытался вступить в переговоры. Он призвал Глэдвина сдаться, пообещав, что британцам будет позволено беспрепятственно отплыть на своих судах. Офицеры, зная, что их коммуникации с востоком перерезаны, что продовольствия не хватает, что энергичный штурм не может не привести к взятию форта, уговаривали Глэдвина принять предложение, но он наотрез отказался. Он не покинул бы Детройт, пока в форте оставались один фунт продовольствия и один фунт пороха. Более того, предательское поведение Понтиака убедило его, что войска и торговцы, когда они покинут форт, будут разграблены и перебиты. Он отклонил требования Понтиака и посоветовал ему разогнать своих людей и поберечь боеприпасы для охоты.

В этот критический момент Детройт, несомненно, спас канадский француз. Если бы не Жак Бэби, мрачный призрак Голодной Смерти прошелся бы по маленькой крепости. Бэби был преуспевающим торговцем, который вместе со своей женой Сюзанной Реом жил на восточном берегу реки, почти напротив форта. У него была ферма площадью в тысячу акров, двести из которых находились под обработкой. Его торговое заведение представляло собой низкое бревенчатое строение восьмидесяти футов в длину и двадцати в ширину. Он владел тридцатью рабами — двадцатью мужчинами и десятью женщинами. Кажется, он относился к ним по-доброму; во всяком случае, они преданно исполняли его волю. Бэби согласилась тайком доставить в форт провизию, и темной ночью, примерно через неделю после начала осады, Глэдвин повесил фонарь на доску, укрепленную у кромки воды. У Бэби было наготове шесть каноэ; в каждом были уложены две четвертинки говядины, три свиньи и шесть мешков муки. Всю ночь напролет эти каноэ бороздили полукилометровый участок воды, и к рассвету гарнизону было доставлено достаточно продовольствия, чтобы продержаться несколько недель.

Изо дня в день индейцы вели беспорядочную стрельбу, в то время как Глэдвин принимал меры предосторожности на случай длительной осады. Продовольствие забирали из домов жителей и складывали в общий склад. Древесину оторвали от дорожек и использовали для строительства переносных бастионов, которые были возведены за пределами форта. Поскольку существовала опасность, что крыши домов могут быть воспламенены с помощью огненных стрел, французских обитателей форта заставили черпать воду и хранить ее в сосудах в удобных местах. Дома, заборы и фруктовые сады по соседству были разрушены и сровнены с землей, так что прячущиеся воины не могли найти укрытия. Передняя часть форта была сравнительно защищена от нападения, поскольку шхуны охраняли речные ворота, и индейцы испытывали благоговейный страх перед этими плавучими крепостями.

Примерно в середине месяца "*Глэдвин*" отплыл по реке Детройт, чтобы встретить конвой, который ожидался с провизией и боеприпасами из форта Шлоссер. У входа в озеро Эри, когда судно стояло в штиле на реке, его внезапно окружила толпа дикарей в каноэ; и пленник

Понтиака, капитан Кэмпбелл, появился в переднем каноэ, и дикари подумали, что британцы не станут стрелять в них, опасаясь убить его. К счастью, поднялся ветерок, и шхуна вырвалась на открытое озеро. Конвоя не было видно, и "*Глэдвин*" направился к Ниагаре, чтобы сообщить тамошним офицерам весть о восстании индейцев на западе.

30 мая бдительные часовые в Детройте увидели вереницу бэтээров с британским флагом, огибающих мыс на восточном берегу реки. Это был ожидаемый конвой из форта Шлоссер, и пушки прогремели в знак приветствия. Но ликование гарнизона вскоре стихло. Вместо приветственных криков британцев с бато раздались дикие боевые кличи. Индейцы захватили конвой и заставляли своих пленников грести. В передней лодке находились четверо солдат и трое дикарей. Приближаясь к крепости, один из солдат задумал дерзкий план одолеть индейскую охрану и сбежать в *Бобер*, который стоял на якоре перед фортом. Схватив ближайшего дикаря, он попытался бросить его в реку, но индейцу удалось нанести ему удар ножом, и оба упали за борт и утонули. Остальные дикари, опасаясь быть схваченными, выпрыгнули из лодки и поплыли к берегу. Бато с тремя солдатами в нем достигло *Бобра*, и находившиеся в нем провизия и боеприпасы были доставлены в форт. Индейцы на оставшихся бато, предупрежденные судьбой головного судна, высадились на восточном берегу; и, проведя своих пленников по суше мимо форта, они переправили их через реку в лагерь Понтиака, где большинство из них были преданы смерти с дьявольской жестокостью.

Сбежавшие к *Бобру* солдаты рассказали историю злополучного конвоя. 13 мая лейтенант Абрахам Кайлер, совершенно ничего не знавший о начале боевых действий в Детройте, покинул форт Шлоссер с девятистами шестью солдатами в десяти бато. Они неторопливо двигались вдоль северного берега озера Эри и к 28-му достигли мыса Пели, примерно в тридцати милях от реки Детройт. Здесь была произведена высадка, и пока ставили палатки, банда раскрашенных дикарей внезапно выскочила из леса и напала на мужчину и мальчика, которые собирали хворост. Мужчина сбежал, но мальчика ударили томагавком и сняли скальп. Кайлер выстроил своих людей перед лодками, и последовал резкий ружейный огонь между индейцами, укрывшимися за густым лесом, и белыми людьми на открытом берегу. Налетчиками были вайандоты из Детройта, самые отважные и умные дикари в регионе. Видя, что люди Кайлера охвачены паникой, они с необычной для индейцев смелостью вырвались из своего укрытия и бросились в бешеную атаку. Солдаты, совершенно обескураженные дикими криками и летящими томагавками, побросали оружие и в замешательстве бросились к лодкам. Пять из них им удалось оттолкнуть, и в них они упали без средств защиты. Сам Кайлер остался раненым; но он выбрался вброд и был взят на борт под оживленным огнем с берега. Затем индейцы спустили на воду две брошенные лодки, бросились в погоню за убегающими солдатами, быстро захватили три лодки и с триумфом доставили их на берег. Двое других, в одном из которых был Кайлер, подняли паруса и спаслись бегством. Индейцы, как мы видели, доставили захваченные лодки и их пленников в Детройт. Кайлер взял курс на Сандаски, но, обнаружив, что блокада там сгорел дотла, он поплыл на восток, к Преск-Айлу, а затем поспешил на Ниагару, чтобы сообщить о катастрофе.

Осада Детройта продолжалась. Ближе к середине июня Жак Бэби сообщил коменданту, что "*Глэдвин*" возвращается с Ниагары с припасами и людьми и что индейцы готовятся захватить его. В нескольких милях ниже Детройта лежал Файтинг-Айленд; между ним и восточным побережьем находился остров Индюк. Здесь дикари воздвигли бруствер, настолько тщательно замаскированный, что даже самому зоркому глазу было бы трудно обнаружить его наличие.

Судно должно было пройти в пределах досягаемости этой баррикады; и план индейцев состоял в том, чтобы выскочить на своих каноэ, когда шхуна поднимется вверх по течению, захватить ее и перебить команду. Узнав эту новость, Глэдвин приказал выстрелить из пушки, чтобы уведомить капитана о том, что форт все еще держится, и послал гонца встретить судно с известием о заговоре. Случилось так, что *"Глэдвин"* был хорошо укомплектован и подготовлен к бою. На борту находился Кайлер с двадцатью двумя выжившими из злополучного конвоя, не считая двадцати восьми человек из роты капитана Хопкинса. Чтобы ввести индейцев в заблуждение относительно количества людей, вся команда и солдаты, за исключением десяти или двенадцати, были спрятаны в трюме; чтобы вызвать нападение, судно смело двинулось вверх по течению и с наступлением темноты бросило якорь в узком проливе перед островом Турки. Около полуночи индейцы украдкой сели в свои каноэ и осторожно, но уверенно поплыли к ней, приглушая шум весел. *"Глэдвин"* был готов принять их. Ни один звук не нарушал ночной тишины, пока индейцы приближались к шхуне; как вдруг над спокойными водами разнесся стук молотка о мачту - сигнал солдатам в трюме. Индейцы были почти рядом со своей добычей; но прежде чем они успели издать боевой клич, подошли солдаты и атаковали дикарей пулями и пушечными выстрелами. Предсмертные крики раздались среди грохота стрельбы и плеска пловцов, поспешно выбирающихся из тонущих каноэ к берегу. В одно мгновение четырнадцать индейцев были убиты и еще столько же ранены. Из-за баррикады выжившие открыли безобидный ружейный огонь по шхуне, которая просто снялась с якоря и поплыла вниз по течению в безопасное место. День или два спустя она покинула остров Индюк и достигла форта, обрушив сокрушительный бортовой залп на деревню Вайандот, когда проходила мимо нее. Помимо войск, *"Глэдвин"* имел на борту ценный груз в сто пятьдесят бочек с провизией и немного боеприпасов. Она не прошла блокаду невредимой, поскольку при прохождении острова Турция один сержант и четверо солдат были ранены. В форте царило ликование, когда прибыло подкрепление. Ожидалось, что это дополнительное пополнение людьми и провизией позволит гарнизону продержаться по крайней мере еще месяц, в течение которого придут солдаты в количестве, достаточном для того, чтобы прогнать индейцев.

Тем временем Понтиак начал беспокоиться. Он ожидал легкой победы и не был готов к длительной осаде. Он обратился к французским поселенцам за припасами; его воины забили скот и забрали провизию без согласия владельцев. Лидеры поселения теперь ждали Понтиака, подавая жалобу. Он заявил, что борется за правление Франции, и выразил сожаление по поводу действий своих молодых людей, пообещав, что в будущем французам будет заплачено. Действуя, без сомнения, по предложению кого-то из своих французских союзников, он составил список жителей, взял у каждого определенное количество припасов и приказал оставить их в доме Мелоша недалеко от его лагеря на Парентс-Крик. Был назначен комиссар для распределения провизии по мере необходимости. В качестве оплаты он выпустил аккредитивы, подписанные его тотемом, выдрой. Говорят, что все они впоследствии были искуплены; но в это почти невозможно поверить перед лицом того, что произошло на самом деле.

С самого начала осады Понтиак надеялся, что французские торговцы и поселенцы присоединятся к нему, чтобы принудить к сдаче форта. Прибытие подкрепления под командованием Кайлера заставило его отчаяться в победе без их помощи, и в начале июля он послал своих индейцев к передовым жителям вдоль реки, приказав им созвать совет, на котором он надеялся уговорами или угрозами заставить их взяться за оружие. На этом совете присутствовали такие поселенцы, как Роберт Наварре, Захари Сикотт, Луи Кампу, Антуан

Кюилье, Франсуа Мелош, все люди с положением и влиянием. В своем обращении к ним Понтиак заявил: "Если вы французы, примите этот боевой пояс для себя или своих молодых людей и присоединяйтесь к нам; если вы англичане, мы объявляем вам войну".

The *Глэдвин* принес новости о Парижском мире между Францией и Англией. Многие поселенцы надеялись, что успех увенчает французское оружие в Европе и что Канада будет восстановлена. Некоторые из членов совета заявили, что эти мирные статьи были всего лишь уловкой со стороны Глэдвина, чтобы выиграть время. Роберт Наварра, который опубликовал статьи мира для французов и индейцев, и несколько других были дружелюбны к британцам, но большинство присутствующих были настроены недружелюбно. Сикотт сказал Понтиаку, что, хотя главы семей не могут взяться за оружие, в Детройте есть триста молодых людей, которые охотно присоединились бы к нему. Эти слова, вероятно, предназначались для того, чтобы рассмешить вождя; но были и те, кто взял пояс и начал вербовку среди своих товарищей. Поселенцы, присоединившиеся к Понтиаку, почти все были полукровками или мужчинами, женатыми на индианках. Другие, такие как Пьер Реом и Луи Кампу, полагая, что их жизни в опасности из-за их лояльности новым правителям, искали убежища в форте.

К 4 июля индейцы под руководством французских союзников прочно окопались и начали энергичную атаку. Но отряд численностью около шестидесяти человек выступил из форта и вытеснил их с позиции. При отступлении были убиты два индейца, а один из преследовавших его солдат, побывавший в плену у индейцев и научившийся приемам ведения дикой войны, снял скальп с одного из павших храбрецов. Жертва оказалась племянником вождя племени чиппева Сагино, который теперь требовал пожизненного заключения и требовал, чтобы капитан Кэмпбелл был выдан ему. Согласно "Рукописи Понтиака", Понтиак согласился, и вождь Сагино убил Кэмпбелла "ударом своего томагавка, а после сбросил его в реку". Товарищ Кэмпбелла по заключению Макдугалл вместе с двумя другими сбежал в форт несколькими днями ранее.

Капиталовложения продолжались, хотя нападения стали реже. Маневрировавшие на реке шхуны обрушивали бортовые залпы на индейские деревни, разрушая хлипкие вигвамы. Понтиак перенес свой лагерь из устья Парентс-Крик на позицию ближе к озеру Сент-Клер, вне досягаемости их орудий, и сосредоточил свои мысли на том, чтобы придумать какой-нибудь способ уничтожения доставляющих беспокойство судов. Он узнал от французов о попытке применения брандеров против британского флота в Квебеке и опробовал аналогичную уловку. Лодки были соединены вместе, загружены легковоспламеняющимся материалом, подожжены и отправлены на задание, но эти "брандеры" проплыли мимо шхун, не причинив вреда, и сгорели сами. Затем в течение недели индейцы трудились над сооружением гигантского огненного плота, но из этого амбициозного замысла ничего не вышло.

Вскоре оказалось, что Понтиак начинает терять свою власть над индейцами. Примерно в середине июля послы вайандотов и потаватомы прибыли в форт с предложением мира, заявляя, на индийский манер, о любви и дружбе к британцам. После долгих переговоров они сдали своих пленников и награбленное, но вскоре после этого соблазн, непреодолимый для их вероломной натуры, возник, и они снова вышли на тропу войны.

Амхерст в Нью-Йорке, наконец, был предупрежден об опасности, и капитан Джеймс Дэлиелл отправился из форта Шлоссер с двадцатью двумя баржами, на борту которых находилось около трехсот человек, пушки и припасы, на помощь Детроиту. Экспедиция огибала южный берег

озера Эри, пока не достигла Сандаски. Деревни Вайандотов здесь были найдены заброшенными. После их разрушения Дэлиелл взял курс на реку Детройт. Удача благоприятствовала экспедиции. Понтиак либо не знал о ее приближении, либо не смог разработать план, чтобы остановить ее продвижение. В темноте и тумане ночи 28 июля баржи осторожно поползли вверх по течению, и когда утреннее солнце 29-го числа разогнало туман с реки, они оказались на виду у форта. Наконец-то облегчение! Утомительное многомесячное дежурство подходило к концу. Оркестр форта был в сборе, и утренний бриз разносил воинственную атмосферу Англии. Теперь случилось так, что вайандоты и потаватоми, хотя и так недавно клялись в дружбе с британцами, сочли возможность слишком хорошей, чтобы ее упускать. Проезжая мимо их деревень, баржи подверглись ружейному обстрелу, в результате которого погибли двое и ранили тринадцать человек Дэлиелла. Но солдаты с мушкетами и вертлюжками ответили на атаку и обратили индейцев в бегство. Затем баржи остановились перед фортом навстречу встревоженным зрителям Детройта.

Подкрепление состояло из солдат 55-го и 8-го полков и двадцати рейнджеров под командованием майора Роберта Роджерса. Как и их командир Дейлиелл, многие из них имели опыт сражений с индейцами и горели желанием оказаться рядом с Понтиаком и его воинами. Дэлиелл подумал, что Понтиак может быть застигнут врасплох, и убедил Глэдвина в целесообразности немедленного наступления. Глэдвин отнесся к этому с отвращением, но Дэлиелл был настойчив и добился своего. К следующей ночи все было готово. В два часа ночи 31-го числа речные ворота распахнулись, и около двухсот пятидесяти человек гуськом вышли наружу.

Тяжелые тучи скрыли и луну, и звезды, а воздух был невыносимо горячим. Солдаты маршировали по пыльной дороге, ведомые Бэби и Сен-Марином, которые вызвались добровольцами на эту работу. Тишину не нарушал ни один звук, кроме их собственных унылых шагов. Справа от них поблескивала спокойная река, и в ногу с ними шли две большие бэтээры, вооруженные вертлюгами. Вскоре, когда войска проходили мимо фермерских домов, сонные сторожевые собаки слышали топот марширующих ног и яростно залаяли. Лагерь Понтиака, однако, был еще далеко; этот лай не встревожил бы индейцев. Но солдаты не знали, что их предал шпион Понтиака в форте, и не подозревали, что змеиные глаза уже тогда наблюдали за их продвижением.

Наконец мы достигли Родительского ручья, где через ручей в нескольких ярдах от его устья был перекинут узкий деревянный мост. Авангард был на полпути к мосту, и основные силы устремились за ними, когда с черного гребня впереди послышался треск мушкетной стрельбы, и половина авангарда пала. Узкий ручей был красным от их крови, и с тех пор эта ночь была известна как Кровавый Ручей. На возвышенности к северу от ручья была возведена баррикада из бревен, а за ней, за сараями, домами и заборами, на кукурузных полях и фруктовых садах индейцы стреляли и вопили, как демоны. Войска отступили, но Дэлиелл сплотил их; они снова столпились на мосту. Раздался еще один залп и еще одна пауза. С безрассудной храбростью солдаты преодолели узкий путь и бросились к тому месту, откуда были видны вспышки мушкетных выстрелов. Они заняли высоту, но там не было ни одного индейца. Мушкетные залпы продолжались, и из новых укрытий доносились боевые кличи. Бэтээр подошел к мосту, и убитых и раненых поднимали на борт, чтобы перевезти в форт. Попытка выгнать изворотливых дикарей из их логовищ было бесполезно, и поэтому прозвучал сигнал к отступлению. Капитан Грант, командовавший тыловой ротой, повел своих людей обратно через мост, в то время как Дэлиелл

прикрывал отступление; и теперь бой приобрел новый аспект. Когда солдаты отступали по дороге, ведущей к форту, на них обрушился разрушительный огонь из домов и амбаров, из-за заборов и из недавно вырытого погреба. Поскольку река была слева от них, а враг находился впереди и позади, а также в поле их зрения, они были в опасности быть уничтоженными. Грант приказал своим людям примкнуть штыки: был сделан рывок туда, где дикарей было больше всего, и они были рассеяны. Когда огонь возобновился, войсками овладела паника. Но Дейлиелл подошел с тыла и криками, угрозами и ударами меча плашмя восстановил порядок. Наступал день; но над местом происшествия висел густой туман, под прикрытием которого индейцы продолжали атаку. Дом торговца Жака Кампу приютил несколько индейцев, которые занимались самой разрушительной работой. Роджерс и группа его рейнджеров атаковали дом и, выбив двери, выгнали нападавших. Из дома Кампу Роджерс прикрывал отступление роты Гранта, но сам, в свою очередь, был осажден. К этому времени вооруженные бато, которые доставили убитых и раненых в форт, вернулись и, открыв огонь из своих вертлюжков по индейцам, атаковавшим Роджерса, прогнали их; рейнджеры присоединились к роте Гранта, и все отступили к форту. Разбитые остатки уверенных в себе сил Дейлиелла прибыли в форт Детройт в восемь утра, после шести часов марша и отчаянной битвы, измученные и удрученные. Дейлиелл был убит — невосполнимая потеря. В списке потерь значилось двадцать убитых и сорок два раненых. Индейцы пострадали незначительно. Однако они получили лишь небольшое постоянное преимущество от победы, поскольку в форте все еще оставалось около трехсот боеспособных людей с достаточным количеством провизии и боеприпасов, и он мог отразить штурм и выдержать длительную осаду.

В этом бою Чиппевас и Оттава сыграли ведущую роль. Однако вайандоты, услышав звуки стрельбы, переправились через реку, и потаватоми также присоединились к сражению, несмотря на перемирие, недавно заключенное с Глэдвином. В битве при Кровавом Беге по меньшей мере восемьсот воинов были вовлечены в борьбу с людьми Дэлиелла. В индейских деревнях царило ликование, и вигвамы воинов украшали новые скальпы британцев. В окрестные страны были разосланы гонцы с известием о победе, и в войска Понтиака было добавлено много новобранцев.

ГЛАВА V

ПАДЕНИЕ МАЛЫХ ФОРТОВ

В то время как форт Детройт противостоял ордам Понтиака, дела у небольших фортов и блокаузов, разбросанных по внутренним районам, шли неважно. На южном берегу озера Эри, почти прямо к югу от реки Детройт, стоял форт Сандаски — грубый блокауз, окруженный частоколом. Здесь находилось около дюжины человек под командованием энсина Кристофера Полли. Блокауз можно было легко взять штурмом; но это был не метод банды вайандотов по соседству. Они предпочли предательство и, прикрываясь дружбой, решили уничтожить гарнизон без риска для себя.

Утром 16 мая Полли сообщили, что семеро индейцев желают с ним посоветоваться. Четверо из них были членами племени вайандот, а трое принадлежали к банде оттава Понтиака. Вайандоты были известны Полли, и поскольку у него не было никаких известий о ситуации в Детройте и никаких подозрений об опасности для себя, он с готовностью впустил их в свою каюту. Индейцы

достали калумет и вручили его Полли в знак дружбы. Когда трубка переходила из уст в уста, в дверях комнаты появился воин и поднял руку. Это был сигнал к атаке. Полли немедленно был схвачен индейцами, двое из которых встали по обе стороны от него. В тот же момент раздался боевой клич и началась стрельба; и когда Полли неся через плац, он увидел тела нескольких своих людей, которые были предательски убиты. Часового ранили томагавком, когда он стоял с оружием в руках у ворот, а сержант маленькой роты был убит, работая в саду гарнизона за частоколом.

Когда наступила ночь, Полли и двух или трех других, всех, кто остался от гарнизона, погрузили в каноэ, и они направились в Детройт. Когда заключенные оглянулись на спокойные воды залива Сандаски, они увидели, что блокгауз объят пламенем. Полли и его люди были высажены в лагере Оттава, где орда воюющих индейцев, включая женщин и детей, избила их и заставила танцевать и петь для развлечения толпы. Были предприняты приготовления к тому, чтобы замучить Полли до смерти на костре; но старая скво, недавно потерявшая мужа, увлеклась красивым темнокожим молодым прапорщиком и усыновила его вместо своего погибшего воина. Волосы Полли были коротко подстрижены; его окунули в ручей, чтобы смыть белую кровь из вен; и, наконец, он был одет и раскрашен, как подобает храбrecу из Оттавы.

Известие о разрушении форта Сандаски было принесено в Глэдвин торговцем по имени Ла Броссе, жителем Детройта, а несколько дней спустя было получено письмо от самого Полли. Почти два месяца Полли приходилось играть роль воина из Оттавы. Но в начале июля — Понтиак был в состоянии сильного гнева против британцев — его скво поместила его на ферму для безопасного содержания. В суматохе, возникшей после нападения на форт Детройт 4 числа того же месяца и убийства капитана Кэмпбелла, ему удалось бежать с помощью, как говорят, девушки-индианки. Его преследовали на расстоянии мушкетного выстрела от стен Детройта. Когда он вошел в форт, то настолько походил на индейца, что сначала его не узнали.

Следующим фортом, попавшим в руки индейцев, был Сент-Джозеф на восточном берегу озера Мичиган, в устье реки Сент-Джозеф. Это был самый неприступный из постов на Великих озерах. Здесьний гарнизон жил одинокой жизнью. Вокруг них были густые леса и болота, а впереди — пустынные воды озера, похожего на море. Индейцы в окрестностях Святого Иосифа долгое время находились под влиянием французов. Это место посетил Ла Саль; и здесь в 1688 году иезуит Аллуэз основал миссию. В 1763 году этот пост занимал прапорщик Фрэнсис Шлоссер и четырнадцать человек. В течение нескольких месяцев маленький гарнизон не получал известий с востока, когда 25 мая группа потаватоми из окрестностей Детройта прибыла с притворным визитом к своим родственникам, живущим в деревне Сент-Джозеф, и попросила разрешения навестить Шлоссера. Но прежде чем удалось договориться о встрече, французский торговец проник в форт и предупредил коменданта, что потаватоми намереваются уничтожить гарнизон.

Шлоссер немедленно приказал своему сержанту вооружить своих людей и отправился к французским поселенцам в поисках их помощи. Как раз в тот момент, когда он обращался к ним, раздался пронзительный предсмертный крик — часовой у ворот пал жертвой томагавка дикаря. В одно мгновение воюющая толпа потаватоми под предводительством их главного Уоши оказалась внутри частокола. Одиннадцать человек из гарнизона были немедленно преданы смерти, а форт разграблен. Шлоссера и трех оставшихся членов его маленькой группы увезли в Детройт несколько Лисиц, которые присутствовали вместе с потаватоми. 10 июня Шлоссеру посчастливилось быть обмененным на двух вождей, находившихся в плену в форте Детройт.

Индейцы не разрушили форт Сент-Джозеф, а оставили его во главе французов под командованием Луи Шевалье. Шевалье спас жизни нескольким британским торговцам и во всех отношениях вел себя настолько превосходно, что по окончании войны в Индии ему была предоставлена важная должность при британцах, которую он занимал до начала войны за независимость.

Мы видели, что, когда майор Роберт Роджерс посетил Детройт в 1760 году, одним из первых занятых французами фортов был Майами, расположенный на реке Моми, в начале пути к Уобашу, недалеко от места, где впоследствии был построен Форт Уэйн. На момент начала Понтийской войны этот форт удерживал энсин Роберт Холмс и двенадцать человек. Холмс знал, что его положение было критическим. В 1762 году он сообщил, что сенека, шауни и делавары замыслили истребление британцев в индейской стране, и он не был удивлен, когда ближе к концу мая 1763 года французский торговец сообщил ему, что Детройт осажден Оттавской конфедерацией. Но хотя Холмс был начеку и держал своих людей при оружии, тем не менее ему предстояло встретить смерть, а его форт был захвачен в результате предательства. В своем заброшенном доме в глуши молодой прапорщик, похоже, влюбился в красивую молодую скво, живущую неподалеку от форта. 27 мая она навестила его и умоляла сопровождать ее в миссии милосердия — помочь спасти жизнь больной индианки. Холмс, который в прошлом лечил индейцев, счел эту просьбу вполне естественной. Молодая скво привела его в индейскую деревню, указала на вигвам, где должна была находиться женщина, а затем оставила его. Когда он уже собирался войти в вигвам, раздались два мушкетных выстрела, и он упал замертво. Трое солдат, находившихся за пределами форта, бросились к воротам, но их ранили томагавками прежде, чем они смогли добраться до них. Ворота были немедленно закрыты, и девять солдат внутри форта приготовились к сопротивлению. С индейцами были два француза, Жак Годфруа, которого мы встречали ранее в качестве посла в Понтиаке в первые дни осады Детройта, и некто Мини Чесн; [Примечание: Это единственный зарегистрированный случай, за исключением Детройта, когда кто-либо из французов участвовал вместе с индейцами во взятии форта. И оба, и Годфруа, и Мини Чесн, были женаты на индианках.] и у них был английский пленник, торговец по имени Джон Уэлш, который был схвачен и разграблен в устье реки Моми по пути в Детройт. Французы призвали гарнизон сдаться, указывая на то, насколько бесполезно было бы сопротивляться и какой ужасной была бы их судьба, если бы они убили хоть одного индейца. Оставшись без предводителя и окруженные большой бандой дикарей, солдаты гарнизона поняли, что сопротивление будет бесполезным. Ворота были распахнуты; солдаты вышли вперед и были немедленно схвачены и связаны; а форт был разграблен. Вместе с Уэлшем пленников отвезли в деревню Оттава в Детройте, куда они прибыли 4 июня, и где Уэлш и несколько солдат были замучены до смерти.

В нескольких милях к югу от нынешнего города Лафайет, на юго-восточном берегу реки Уобаш, в устье ручья Веа, стоял небольшой деревянный форт Уиатанон. Он был соединен с фортом Майами тропинкой, идущей через лес. Это был самый западный из британских фортов в штате Огайо, и можно сказать, что он находился на границе территории вдоль Миссисипи, которая все еще находилась под управлением правительства Луизианы. Там было значительное французское поселение, а неподалеку находилась главная деревня веасов, субплемена народа Майами. Форт охраняла обычная дюжина человек под командованием лейтенанта Эдварда Дженкинса. В марте Дженкинса предупредили, что восстание индейцев неизбежно и что вскоре все британцы во внутренних районах страны окажутся в плену. Французы и индейцы в этом регионе находились под влиянием офицеров и торговцев с Миссисипи, которые, по словам

Дженкинса, "вечно лгали индейцам", заставляя их верить, что вскоре прибудет огромная армия, чтобы вернуть форты. Ближе к концу мая в Уиатанон прибыли послы либо от делаваров, либо от Понтиака, привезшие боевые пояса и инструкции для веас по захвату форта. Это, как обычно, было достигнуто путем предательства. Дженкинса пригласили в одну из их кают для совещания. Совершенно не подозревая ни о заговоре Понтиаков, ни о падении Сент-Джозефа, Сандаски или Майами, он принял приглашение. Когда он выходил из форта, его схватили и связали, а когда отвели в хижину, он увидел там нескольких своих солдат, таких же пленников, как и он сам. Оставшиеся члены гарнизона сдались, понимая, насколько бесполезно было бы сопротивляться, и под угрозой, что если один индеец будет убит, все британцы будут преданы смерти. Первоначальным намерением индейцев было захватить форт и перебить гарнизон, но, будучи менее кровожадными, чем непосредственные последователи Понтиака, они смилостивились над двумя торговцами, Мезонвилем и Лорейном, которые преподнесли им подарки при условии, что гарнизон будет взят в плен, а не убит. Дженкинса и его людей должны были отправить на Миссисипи, но их высылка была отложена, и они были расквартированы у французских жителей, и с ними доброжелательно обращались как французы, так и индейцы, пока их не вернули на свободу.

Захват фортов Майами и Уиатанон дал индейцам полный контроль над маршрутом между западной оконечностью озера Эри и реками Огайо и Миссисипи. Французские торговцы, которые, несомненно, сыграли важную роль в подстрекательстве индейцев к военным действиям, теперь держали торговлю в Уобаши и нижнем Огайо, а также в притоках обеих рек, в своих собственных руках. Ни один британский торговец не мог безнаказанно проникнуть в этот регион; те немногие, кто пытался это сделать, были разграблены и убиты.

Сцена боевых действий теперь перемещается на север. Рядом с Детройтом самым важным фортом на Великих озерах к западу от Ниагары был Мичилимакинак, расположенный на южном берегу пролива, соединяющего озера Гурон и Мичиган. Тамошний офицер осуществлял надзор за меньшими фортами в Су-Сент-Мари, Грин-Бэй и Сент-Джозефе. В это время Су-Сент-Мари не была занята войсками. Предыдущей зимой лейтенант Джаметт прибыл, чтобы принять командование; но в его квартире вспыхнул пожар, уничтоживший пост, и он со своими людьми вернулся в Мичилимакинак, где они все еще находились, когда началась Понтиакская война. В окрестностях Мичилимакинака проживали два важных индейских племени - чиппева и оттава. У чиппева были густонаселенные деревни на острове Макино и в Тандер-Бэй на озере Гурон. Их охотничьими угодьями были восточная половина полуострова, который сейчас является штатом Мичиган. Оттавы провозгласили своей территорией западную половину полуострова, а их главной деревней был Л'Арбр-Крош, где почтенный священник-иезуит отец дю Жоне долгое время проводил свою миссию.

Индейцы из Мичилимакинака никогда не относились благосклонно к новым обитателям фортов на их территории. Когда торговец Александр Генри прибыл туда в 1761 году, он обнаружил, что они настроены решительно враждебно. По пути вверх по Оттаве его предупредили о готовящемся ему приеме. В Мичилимакинаке его встретила группа чиппева во главе с их вождем Минававной, удивительно проницательным индейцем, известным французам как *Le Grand Sauteur*, чья деревня находилась в Тандер-Бей. Этот вождь обратился к Генриху с самыми красноречивыми словами, заявив, что чиппева - дети французского короля, который спит, но который вскоре проснется и уничтожит своих врагов. Король Англии, сказал он, не заключал никакого договора с чиппева и не посылал им подарков; следовательно, они все еще находятся

с ним в состоянии войны, и пока он не пойдет на такие уступки, они должны смотреть на французского короля как на своего вождя. "Но, - продолжил он, - ты пришел безоружным: спи спокойно!" Затем трубка мира была передана Генри. Выкурив ее, он одарил индейцев какими-то подарками, и они гуськом удалились в его присутствии. Почти сразу после отъезда чиппева пришло около двухсот оттавцев, требовавших у Генри и нескольких других британских торговцев, которые также были там, амуниции, одежды и других предметов, необходимых для их зимней охоты, в кредит до весны. Торговцы отказались, и, когда индейцы пригрозили им, они и их служащие, всего около тридцати человек, забаррикадировались в доме и приготовились сопротивляться требованиям силой оружия. К счастью, в этот критический момент пришло известие о сильном британском контингенте, который приближался из Детройта, чтобы захватить форт, и оттавы поспешно ушли в свои деревни.

Почти два года гарнизон Мичилимакинака жил в мире. Весной 1763 года они отдыхали в ложной безопасности. Капитан Джордж Этерингтон, командовавший войсками, услышал, что индейцы вышли на тропу войны и что форту угрожают; но он отнесся к этому сообщению легкомысленно. Примечательно также, что Генри, который ежедневно контактировал с французскими поселенцами и индейцами и имел своих агентов, разбросанных по всей индейской стране, не видел причин для тревоги. Но случилось так, что к концу мая до индейцев в Мичилимакинаке дошли вести о положении в Детройте, и вместе с этими новостями пришел военный пояс, означавший, что они должны уничтожить британский гарнизон. Толпа индейцев, в основном чиппева и саков, вскоре собралась у поста. Весной это было обычным делом и не вызвало бы никаких подозрений. Однако дикари планировали напасть на форт 4 июня, в день рождения Георга III. Британцы должны были отпраздновать этот день спортом и застольем, а чиппева и сакс попросили разрешения развлечь офицеров игрой в лакросс. Этерингтон выразил удовольствие от этого предложения и сказал вождям, которые прислуживали ему, что он поддержит своих друзей чиппева в борьбе с их противниками из Сак. Утром 4-го числа на широкой равнине за фортом были выставлены посты, и вскоре племя столкнулось с племенем. Воины появлялись на поле в мокасинах и в остальном обнаженными, если не считать набедренных повязок. Мяч отбивали, бросали и переносили туда-сюда. Игрок преследовал игрока, спотыкаясь, нанося удары, толкая плечами друг друга и крича от возбуждения, когда контроль над мячом переходил от Чиппевы к Саку и от Саку к Чиппеве. Этерингтон и лейтенант Лесли стояли у ворот, заинтересованные зрители игры; а повсюду вокруг и разбросанные по всему форту были скво со стоическими лицами, каждая крепко прижимала к себе яркое цветное одеяло. Игра была в самом разгаре, когда игрок забросил мяч на место рядом с воротами форта. Последовала дикая гонка, и, когда они достигли ворот, клюшки для лакросса были отброшены в сторону, скво распахнули свои одеяла, а игроки схватили томагавки и ножи, протянутые им наготове. Крики игры сменились боевыми кличами. Мгновенно Этерингтона и Лесли схватили и поспешили в ближайший лес. Орда ворвалась в форт. Здесь стояло еще больше скво с оружием; и прежде чем гарнизон успел схватиться за оружие, лейтенант Джеметт и пятнадцать солдат были убиты и скальпированы, а остальные взяты в плен, в то время как французские жители стояли в стороне, наблюдая за трагедией с видимым безразличием.

Этерингтона, Лесли и солдат держали взаперти. Через день или два после взятия форта вождь племени чиппева, *Ле Гран Сабле*, который не присутствовал при резне, вернулся со своей зимовки. Он вошел в хижину, где несколько британских солдат были связаны по рукам и ногам, и жестоко убил пятерых из них. Следует отметить, что оттава не принимали участия во взятии Мичилимакинака. Фактически, благодаря добрым услугам своего священника, они действовали

по отношению к британцам как друзья в беде. Группа боевиков из Л'Арбр Крош вскоре прибыла на место происшествия и предотвратила дальнейшую резню. Этерингтона и Лесли забрали из рук чиппева и перевезли в Л'Арбр-Крош. Отсюда Этерингтон отправил сообщение в Грин-Бей, приказав коменданту покинуть тамошний форт. Затем он написал Глэдвину в Детройт, рассказав о случившемся и попросив помощи. Это сообщение было доставлено в Детройт отцом дю Жоне, который совершил путешествие в сопровождении семи оттава и восьми чиппева под командованием Кинончанека, сына Минававы. Но, как мы знаем, Глэдвин сам нуждался в помощи и не мог ее оказать. Однако с заключенными в Л'Арбр-Кроше обращались хорошо, и в конце концов их перевезли в Монреаль через реку Оттава под конвоем дружелюбных индейцев.

На южном берегу озера Эри, где сейчас стоит город Эри, находился укрепленный пост Преск'Айл, обнесенный частоколом форт с несколькими солидными домами. Это считалось сильной позицией, и ее комендант, энсин Джон Кристи, был уверен, что сможет выстоять против любого количества индейцев, которые могли бы его окружить. Новости, принесенные Кайлером, когда он посетил Преск'Айл после катастрофы в Пойнт-Пели, насторожили Кристи. У Преск'Айля был блокауз необычайной прочности, но он был деревянным и легко воспламенялся. Для защиты от пожара в верхней части здания было оставлено отверстие, через которое вода могла литься в любом направлении. Блокауз стоял на полоске земли — с одной стороны протекал ручей, с другой - озеро. Самым серьезным недостатком позиции было то, что берега ручья и озера поднимались грядами на значительную высоту, возвышаясь над блокаузом и обеспечивая удобное укрытие для атакующей стороны в пределах досягаемости мушкетов.

У Кристи было двадцать четыре человека, и он полагал, что ему нечего бояться, когда 15 июня около двухсот вайандотов прибыли в окрестности. Эти индейцы вскоре были на гребнях холмов, атакуя блокауз. Стрелы с наконечниками из горячей пакли и шары с горячей смолой дождем посыпались на крышу, и гарнизону потребовались предельные усилия, чтобы потушить пожары. Вскоре запасы воды начали заканчиваться. Неподалеку, на плацу, был колодец, но это открытое пространство было охвачено таким жарким огнем, что ни один человек не рискнул бы пересечь его. В блокаузе был вырыт колодец, и сопротивление продолжалось. Весь день продолжалась атака, а ночью с горных хребтов периодически велась стрельба. Прошел еще один день, и ночью в осаде наступило затишье. Было выдвинуто требование сдаться. Английский солдат, усыновленный дикарями и помогавший им в атаке, закричал, что разрушение форта неизбежно, что утром он будет обстрелян сверху и снизу и что, если гарнизон не сдастся, они все будут сожжены заживо. Кристи попросил подождать до утра, чтобы подумать, а когда наступило утро, он согласился сдать форт при условии, что гарнизону будет разрешено перейти на следующий пост. Но когда его люди вышли, их схватили и связали, затем бросили в каноэ и отвезли в Детройт. Их жизни, однако, были спасены; и в начале июля, когда вайандоты заключили с Глэдвином мир, который они впоследствии нарушили, Кристи и несколько его людей были первыми сданными пленными.

В нескольких милях от берега, к югу от Преск'Иля, на торговом пути, ведущем в Форт Питт, находился грубый блокауз, известный как Ле Беф. Этот пост находился в конце пути от озера Эри, на Аллегани-Крик, откуда начиналось плавание на каноэ по долине Огайо. Здесь дислоцировались энсин Джордж Прайс и тринадцать человек. 18 июня банда индейцев прибыла к Ле Бефу и атаковала его с мушкетами и огненными стрелами. Вскоре здание было

объято пламенем. Пока стены дымились и потрескивали, дикари в диком ликовании танцевали перед воротами, намереваясь перестрелять защитников, когда они выйдут. Но в задней части блокауза было окно, через которое гарнизон сбежал в соседний лес. С наступлением ночи отряд разделился. Некоторые из них добрались до форта Венанго два дня спустя, но обнаружили его в руинах. Прайс и семеро мужчин с трудом пробирались через лес к форту Питт, куда они прибыли 26 июня. В конечном счете все, за исключением двух человек из гарнизона форта Ле-Беф, оказались в безопасности.

Обстоятельства разрушения форта Венанго 20 июня известны весьма смутно. Этот форт, расположенный недалеко от нынешнего города Франклин, долгое время был центром индийской торговли. Во времена французской оккупации он был известен как форт Машо. После того, как французы покинули это место летом 1760 года, был возведен новый форт, получивший название Венанго. В 1763 году здесь находился небольшой гарнизон под командованием лейтенанта Гордона. Какое-то время все, что было известно о его судьбе, поступало от беглецов из Ле-Бефа и солдата по имени Грей, бежавшего из Преск'Иля. Эти беглецы нашли Венанго полностью разрушенным, а в руинах - почерневшие кости гарнизона. Впоследствии стало известно, что напавшие индейцы были сенека и что они замучили коменданта до смерти на медленном огне, после того как заставили его записать причину нападения. Это было связано с тремя причинами: (1) британцы взимали непомерные цены на порох, дробь и одежду; (2) когда британские солдаты жестоко обращались с индейцами, они не могли получить никакой компенсации; (3) вопреки желаниям индейцев, в их стране строились форты, и это могло означать только одно — решимость захватчиков лишить их охотничьих угодий.

С падением Преск'Иля, Ле-Бефа и Венанго торговый путь между озером Эри и фортом Питт был закрыт. За исключением Детройта, Ниагары и Питта, в обширных внутренних районах не осталось ни одного британского форта; и солдаты на этих трех сильных позициях могли покинуть укрытие за частокотом только с риском для своей жизни. Тем временем границы британских поселений, а также форты подвергались набегам. Дома были сожжены, а обитатели вырезаны. Торговцы были разграблены и убиты. От восточных склонов Аллегани до Миссисипи ни одна британская жизнь не была в безопасности.

ГЛАВА VI

РЕЛЬЕФ ФОРТА ПИТТ

На клочке суши у слияния рек Мононгахела и Ахегани стоял форт Питт, на месте старого французского форта Дюкен. Он был удален от любого населенного пункта, но имел выгодное расположение для обороны и располагал таким сильным гарнизоном, что тем, кто отвечал за него, нечего было опасаться любых попыток индейцев захватить его. Недавно наводнения разрушили часть крепостных валов, но их отремонтировали и возвели над ними бревенчатый парпет.

Капитан Симеон Экайер, швейцарский солдат на службе Великобритании, офицер с острым умом и испытанной храбростью, командовал фортом Питт. Он знал индейцев. Он быстро понял, что опасность угрожает его посту в дикой природе, и ничего не оставил незаконченным, чтобы обеспечить его безопасность. Четвертого мая Экуайер написал полковнику Генри Буке, который находился в Филадельфии, сообщив, что получил сообщение от Глэдвина о том, что тот

"окружен негодяями". Экуайер не отнесся к этой тревоге легкомысленно. Он не только отремонтировал валы и укрепил их, но и возвел внутри них частокол, чтобы окружить жилища. Все, что могло послужить убежищем для притаившегося врага, было сровнено с землей. В то время в Форт-Питте находилось около сотни женщин и их детей — семей поселенцев, которые приехали в плодородную долину Огайо, чтобы обзавестись домами. Им было предоставлено убежище в домах, защищенных от пуль. В гарнизоне вспыхнула оспа, и под подъемным мостом был устроен госпиталь, где пациентам во время осады не грозили ни мушкетные пули, ни стрелы. Но лучшей защитой форта Питт были способности Экайера — храброго, с чувством юмора, дальновидного; сам по себе он был хозяином, придававшим мужество своим людям и заставлявшим даже женщин и детей легкомысленно относиться к силе индейцев.

Прошло почти три недели после начала осады Детройта, когда дикари появились в полном составе около форта Питт. 27 мая большой отряд индейцев спустился по реке Аллегани с тюками мехов, в уплату за которые они потребовали ружья, ножи, томагавки, порох и дробь и больше ничего не хотели брать. Вскоре после их отъезда в Экайер пришло известие обубийстве нескольких торговцев и поселенцев недалеко от форта. С этого времени и до начала августа любому человеку было опасно выходить за стены; но в течение почти месяца на сам форт никто не нападал. Однако, когда новости о взятии других фортов достигли гарнизона, и поскольку почти все гонцы, отправленные на восток, были либо убиты, либо вынуждены вернуться, стало очевидно, что, откладывая атаку на форт Питт, индейцы просто собирали силы для решающего удара по самой сильной позиции на индийской территории.

22 июня большой отряд индейцев собрался в лесу вокруг форта и, незаметно подобравшись к его стенам, открыл огонь со всех сторон. Это был первый опыт гарнизона в нападении; некоторые солдаты оказались немного переусердствовавшими, и двое из них были убиты. Стрельба, однако, продолжалась недолго. Экайер выбрал место, где дым от мушкетов был наиболее густым, и бросил снаряды из своих гаубиц в гущу воинов, обратив их в поспешное бегство. На следующий день отряд приблизился на расстояние разговора, и их лидер, Черепашье Сердце, вождь делаваров, сообщил Экайеру, что все западные и северные форты отрезаны и что множество воинов приближается, чтобы уничтожить форт Питт и его гарнизон. Он умолял Экайера отозвать обитателей форта, пока еще есть время. Он позаботится о том, чтобы они были защищены на пути в восточные поселения. Он добавил, что когда придут оттавы и их союзники, всякой надежде на спасение жителей форта Питт придет конец. Все это Черепашье Сердце рассказал Экайеру из "любви к британцам". Британский офицер с тонким юмором поблагодарил его за заботу о гарнизоне, но сказал ему, что он может выстоять против всех индейцев в лесу. Он мог быть великодушен, как Сердце Черепахи, и поэтому предупредил его, что британцы идут на помощь форту Питт с шестью тысячами человек; что трехтысячная армия поднимается вверх по Великим озерам, чтобы наказать Оттавскую конфедерацию; и что еще одно трехтысячное войско подошло к границам Вирджинии. "Поэтому, - сказал он, - сжальтесь над своими женщинами и детьми и убирайтесь с дороги как можно скорее. Мы сообщили вам это по секрету, из нашей большой озабоченности, чтобы никто из вас не пострадал; и, - добавил он, - мы надеемся, что вы не расскажете об этом другим индейцам, чтобы они не избежали нашей мести". Гаубицы и рассказ о приближающихся войсках возымели свое действие, и индейцы исчезли в окружающем лесу. Еще месяц в форте Питт царил относительный покой, и гарнизон терпеливо, но настороженно ожидал подкрепления, которое отправлял Амхерст. Тем временем пришли известия о разрушении Прескиля, Ле-Бефа и

Венанго, а судьба гарнизонов, особенно последнего поста, предупредила жителей форта Питт о том, что их может ожидать, если они попадут в руки индейцев.

26 июля несколько индийских послов, в том числе Черепашье Сердце, прибыли на пост с флагом перемирия. Они громко заявляли о дружбе и еще раз заботились о безопасности гарнизона. Оттавы, по их словам, наступали огромной ордой, чтобы "захватить и съесть все", что попадется им на пути. Единственная надежда гарнизона на спасение - как можно скорее покинуть форт и "вернуться домой к своим женам и детям". Экайер ответил, что никогда не оставит свою позицию, "пока в Америке живет белый человек". Он сказал, что презирает оттавов и был "очень удивлен, когда наши братья делавары предложили нам покинуть это место и вернуться домой". Это наш дом". Его юмор еще раз проявился в предупреждении, которое он дал индейцам против повторения их атаки на форт: "Я буду бросать бомбы, которые разорвутся и разнесут вас на атомы, и стрелять по вам из пушки, заряженной целым мешком пуль. Поэтому будь осторожен, потому что я не хочу причинить тебе боль".

Теперь индейцы оставили всякую надежду захватить форт Питт обманом и приготовились взять его штурмом. В ту же ночь они прокрались в пределах досягаемости, вырыли ямы-укрытия на берегах Аллегани и Мононгахелы, а на рассвете начали энергичную атаку на гарнизон.

Мушкетные пули со свистом пролетали над крепостными валами и поражали каждую точку, где показывался солдат. Визжащие пули и дикие боевые кличи нападавших сильно встревожили женщин и детей; но ни на мгновение форт не подвергался реальной опасности, и Экайер или его люди не опасались катастрофы. Комендант так тщательно следил за своей обороной, что, хотя сотни снарядов упали в пределах форта, только один человек был убит и только семеро ранены. Сам Экайер был среди раненых: одна из двух стрел, упавших в пределах форта, имела, по его собственным словам, "наглость высвободиться" из его "левой ноги". С 27 июля по 1 августа эта орда делаваров, шауни, вайандотов и минго продолжала атаку. Затем, без видимой причины, так же внезапно, как и появились, все они исчезли. Для гарнизона облегчение от постоянного бдения, тревожных дней и бессонных ночей было самым желанным.

Причиной этого внезапного облегчения было то, что краснокожие узнали о приготовленной для них богатой добыче, которая сейчас приближалась к форту Питт. Буке с отрядом солдат находился среди ущелий Аллегани. Форт мог подождать; индейцы попытались бы уничтожить силы Буке, как они уничтожили армию Брэдокка в том же регионе восемь лет назад; и в случае успеха они могли бы затем на досуге вернуться в форт Питт и взять его измором или штурмом.

В июне, когда Амхерст, наконец, пришел к выводу, что у него на руках настоящая война — и, как мы видели, отправил Дэлиелла в Детройт, — он в то же время отправил приказ полковнику Бауке подготовить силы для освобождения форта Питт. Буке, как и Экайер, был швейцарским солдатом и лучшим человеком в Америке для выполнения этой конкретной задачи. После семилетнего опыта ведения пограничной войны он был так же искусен в работе с деревом, как сами индейцы. Теперь ему предстояло повести отряд по дороге длиной в двести с лишним миль, соединявшей Форт Питт с Карлайлом, его пунктом отправления в Пенсильвании; но каждый фут дороги был ему известен. В 1758 году, служа под началом генерала Форбса, он руководил строительством этой дороги и знал силу каждого форта и блокпоста на пути; даже реки, ручьи, болота и ущелья были ему знакомы. Но самое главное, он обладал мужеством и военными знаниями, которые вселяли уверенность в его солдат и офицеров. Хладнокровный,

расчетливый, дальновидный, бесстрашно храбрый — в то время в Новом Свете не было лучшего солдата, чем этот героический швейцарец.

Положение войск в Амхерсте было плохим. Единственными силами, имевшимися в наличии для освобождения форта Питт, были 242 человека из 42-го полка горцев — знаменитого Черного дозора - и 133 человека из 77-го полка Монтомери Горцы и несколько человек из Королевской американской армии. Они, вместе с несколькими добровольцами, составляли контингент численностью в 550 человек. Эти силы были слишком малочисленны для выполнения стоявшей перед ними задачи, и большинство солдат лишь недавно прибыли из Вест-Индии и отличались слабым здоровьем.

Буке отправил Карлайлу инструкции подготовить для него припасы и собрать достаточное количество фургонов для экспедиции, но когда он прибыл на место в конце июня, то обнаружил, что ничего не было сделано. Граница была парализована паникой. На всем протяжении страны от Форта Питт индейцы были на тропе войны. Каждый день приносили трагические истории об убийстве поселенцев и разрушении их домов. За пределами слабых фортов, разбросанных по территории Индии, не было никакой безопасности. Буке надеялся на помощь поселенцев и правительства Пенсильвании; но поселенцы думали только о немедленной безопасности, а правительство проявило преступную халатность, оставив границу штата без защиты, и не выделило ни людей, ни денег на оборону. Но они должны быть спасены вопреки им самим. Энергичными усилиями через восемнадцать дней после своего прибытия в Карлайл Буке был готов к выступлению. Он начал свою кампанию с мудрой предосторожности. Последним важным фортом на пути к Питту был Лигоньер, примерно в ста пятидесяти милях от Карлайла. Необходимо было бы использовать этот пост в качестве базы, но он был осажден индейцами и находился под угрозой захвата. Лейтенант Арчибальд Блейн, командовавший им, доблестно оборонялся от орды дикарей. Буке, ожидая в Карлайле, нанял проводников и заранее отправил тридцать горцев, тщательно отобранных людей, для усиления гарнизона под командованием Блейна. Они, держась в стороне от главной тропы и соблюдая все меры предосторожности, преуспели в том, чтобы добраться до форта без происшествий.

Буке повел свои войска на запад. Шестьдесят его солдат были настолько больны, что не могли идти, и их пришлось перевозить в повозках. Предполагалось, что больные заменят людей, находящихся сейчас в фортах Бедфорд и Лигонье, и таким образом помогут охранять тыл. Дорога оказалась в ужасающем состоянии. Весенние паводки изрезали ее; тропинку пересекали глубокие овраги, а мосты через ручьи в большинстве случаев были смыты. По мере продвижения маленькой армии охваченные паникой поселенцы, между прочим, рассказывали истории о разрушении домов и резне друзей. Форт Бедфорд, которым командовал капитан Льюис Оурри, был взят 25-го числа. Здесь было потрачено три дня, и было выделено еще тридцать проводников, которые должны были служить авангардом разведчиков и предупреждать о присутствии врагов. Буке испытывал своих горцев в этой работе, но они были незнакомы с лесом и, поскольку неизменно терялись, не представляли никакой ценности как разведчики. Оставив своих раненых офицеров и солдат в Бедфорде, Буке, отдохнув на лошадях и подкрепив людей, двинулся вперед и 2 августа прибыл в Лигонье. Теперь предстояло подготовиться к последнему рывку к форту Питт, расположенному в пятидесяти с лишним милях отсюда, по тропе, которую осаждали дикари, которые также оккупировали все важные перевалы. Было бы невозможно пройти без сражения — сражения в дикой местности, — и мысль о катастрофе в Брэддоке была в умах всех. Но Буке не был Брэддоком, и у него был опыт

ведения войны с индейцами. Пытаться миновать засады с длинным составом громоздких повозок означало бы навлечь на себя катастрофу; поэтому он отказался от своих повозок и более тяжелых припасов и, подготовив триста сорок вьючных лошадей, нагруженных мукой, решил выступить из Лигонье 4 августа. Планировалось добраться до Буши-Крик - "Буши-Ран", как назвал его Буке, — на следующий день, и там отдохнуть и подкрепить лошадей и людей. Ночью предстояло совершить рывок через опасное ущелье у Черепашьего ручья; и, если в этом месте удастся пройти без происшествий гористую местность, остаток пути можно будет легко преодолеть.

На рассвете войска встали и двинулись в путь. Было невыносимо жаркое августовское утро, и ни малейшее дуновение ветра не шевелило лес. По неровной дороге тащилась длинная вереница изнемогающих от зноя людей. Впереди шли разведчики; затем следовали несколько легких отрядов Черного Дозора; затем основная часть маленькой армии; а в арьергарде тащились вьючные лошади. До полудня солдаты маршировали, тяжело дыша и измученные москитами, но воодушевленные надеждой, что в Буши-Ран они смогут утолить свою жгучую жажду и отдохнуть до наступления темноты. К часу дня они преодолели семнадцать миль и были в полутора милях от своей цели. Внезапно впереди они услышали резкие выстрелы из мушкетов; стрельба усилилась: авангард, очевидно, столкнулся со значительным отрядом индейцев. Две легкие роты были брошены им на подмогу и примкнутыми штыками расчистили путь. Это, однако, был лишь временный успех. Индейцы просто изменили свою позицию и появились на флангах в увеличенном количестве. Из укрытия за деревьями противник сеял хаос среди незащищенных войск, и потребовалась общая атака. Горцы и члены Королевской американской семьи, действуя под руководством Буке, снова отбросили индейцев штыком. Едва это было сделано, как сзади послышалась пальба. Конвой подвергся нападению, и пришлось отступить для его поддержки. До наступления темноты вокруг небольшой возвышенности, которую Букетеры называют Эдж—Хилл, на которой был выстроен конвой, шло сражение. Что касается вьючных лошадей и припасов, то солдаты доблестно сражались в течение семи часов со своим невидимым врагом. Наконец наступила темнота, и измученные войска смогли подсчитать свои потери и устроить короткий, прерывистый отдых. В этот день боя два офицера были убиты и четверо ранены, а шестьдесят рядовых были убиты или ранены.

Мешки с мукой были сложены по кругу, и в них разместили раненых. Всю ночь велось тщательное наблюдение, но враг не предпринимал никаких атак в темноте, лишь изредка стреляя и время от времени издавая вызывающие крики. Они были уверены, что отряд Буке станет легкой добычей, и ждали рассвета, чтобы возобновить битву.

Солдаты сыграли героическую роль. Хотя они и не привыкли к войне в лесу, в боях с индейцами они были хладнокровны, как ветераны, и ни один человек не сделал ни единого выстрела без приказа. Но самые храбрые из них с ужасом ждали утра. В этот день им едва удавалось выстоять, и к утру индейцы, несомненно, будут значительно усилены. Крики и стоны раненых живо напоминали им о том, что уже произошло. Кроме того, они были измотаны маршами и боями; хуже физической усталости и мучительнее вражеских пуль была мучительная жажда; и в том месте, где они были зажаты, нельзя было достать ни капли воды.

При мерцающем свете свечи Букетик написал одно из самых благородных писем, когда-либо написанных солдатом во время боя. Он едва ли мог надеяться на успех, а поражение означало самую ужасную из смертей; но у него не было малодушия, и его доклад Амхерсту был отчетом

настоящего солдата — человека, "чье дело умирать". После подробного отчета о событиях, приведших к этой атаке, и спокойного изложения событий дня, а также воздания должное своим офицерам, поведение которых, по его словам, "намного выше моих похвал", он добавил: "Какой бы ни была наша судьба, я счел необходимым предоставить Вашему превосходительству эту информацию... Я опасаюсь непреодолимых трудностей в защите и транспортировке наших припасов, поскольку мы и так сильно ослаблены потерей за этот день людей и лошадей ". Отправив гонца обратно с этим донесением, он занялся составлением планов на завтра.

На рассвете из окружающего леса до ушей солдат донеслись ужасающие боевые кличи индейцев. Постепенно пронзительные крики приближались; индейцы пытались вселить ужас в сердца своих врагов, прежде чем возобновить бой, зная, что войска, боящиеся смерти, уже наполовину разбиты. Когда индейцы оказались в пятистах ярдах от центра лагеря, они начали стрелять. Войска отвечали с большим упорством. Это продолжалось до десяти утра. Раненые внутри баррикады лежали, прислушиваясь к звукам битвы, которые становились все громче, и судьба людей Брэддока встала перед ними. Казалось несомненным, что их страдания должны закончиться смертью — и какой смертью! Выючные лошади, привязанные на небольшом расстоянии от баррикады, представляли собой легкую мишень, по которой индейцы вскоре направили свой огонь, а жалобные крики раненых животных усилили суматоху сражения. Некоторые лошади, обезумев от ран, разорвали привязи и ускакали в лес. Но горцы в килтах и королевские американцы в красных мундирах доблестно продолжали сражаться. Их ряды редели; утомительная работа предыдущего дня сказывалась на них; в горле у них пересохло, а языки распухли от недостатка воды. Буке оглядел поле боя. Он видел, что его люди слабеют от страшного напряжения, и понял, что нужно срочно что-то предпринимать. Индейцы с каждым мгновением становились все смелее, напирая все ближе и ближе.

Затем он задумал одно из самых блестящих движений, известных в индийской войне. Он приказал двум ротам, находившимся в наиболее открытой части поля боя, отступить, как бы отступая в пределах круга, защищавшего холм. В то же время войска справа и слева открыли свои ряды и, как бы прикрывая отступление, заняли освободившееся пространство тонко вытянутой линией. Стратегия сработала даже лучше, чем ожидал Буке. Оружие индейцы, жаждущие резни и верящие, что все командование находится в их власти, врассыпную бросились из своего укрытия, делая резкие залпы по рядам обороняющихся. Они были отброшены назад, и дикари бросились вперед, к баррикаде, укрывавшей раненых. Тем временем две роты заняли позицию справа и с холма, который скрывал их от врага, открыли эффективный огонь по дикарям. Изумленные индейцы ответили, но без особого эффекта, и прежде чем они успели перезарядить ружья, горцы набросились на них со штыком. Затем краснокожие увидели, что попали в ловушку, и повернулись, чтобы бежать. Но внезапно слева от них из засады поднялись еще две роты и обрушили шквал пуль на отступающих дикарей, в то время как горцы и американцы королевской крови бросились за ними с примкнутыми штыками. Индейцы в других частях круга, видя, что их товарищи бегут, разбежались по лесу. Вызывающие боевые кличи прекратились, и мушкеты смолкли. Победа была полной: Буке разбил индейцев в их собственном лесу и на их собственной дичи. Около шестидесяти врагов лежали убитыми и еще столько же ранеными. За два дня сражения у британцев было пятьдесят убитых, шестьдесят раненых и пятеро пропавших без вести. Это была высокая цена; но эта победа сломала хребет войне с индией.

Многие лошади были убиты или отбились от стада, и перевезти все припасы в Форт Питт было невозможно. То, что нельзя было унести с собой, было уничтожено, и победители двинулись дальше к Буши-Крик, медленным шагом из-за раненых. Не успели они разбить свои палатки у ручья, как снова появились части противника; однако горцы, не дожидаясь команды, рассеяли их ударом штыка. На следующий день начался марш к форту Питт. Три дня спустя, 10 августа, гарнизон этого форта услышал звуки волюнок и бой барабана и увидел сквозь лес пледы и плюмажи горцев и красные мундиры членов королевской семьи Америки. Ворота распахнулись, и победители Эдж-Хилла маршем вошли внутрь под приветствие мужчин и женщин, которые уже несколько месяцев не получали никаких известий от своих друзей с востока.

Букету было поручено вторгнуться в страну Огайо и преподать урок шауни и делаварам. Но его люди были измотаны, половина из них не годилась к службе, и ему так не хватало лошадей и припасов, что от этой задачи пришлось отказаться на текущий год.

Пенсильвания и Вирджиния ликовали. Этот триумф много значил для них. Их границы теперь были бы в безопасности, если бы не случайные группы охотников за скальпами. Амхерст был в восторге и приписал себе большую часть заслуг в победе Букета. Он поздравил благородного швейцарского офицера с победой над "бандой дикарей, которые были бы очень грозны против любых войск, кроме тех, что были с вами". Но битву выиграли не войска, а Букет. В руках Брэддока, Лудуна, Аберкромби этих измученных войной ветеранов постигла бы участь, подобная той, что постигла войска Брэддока. Но Букет воодушевлял каждого своим духом; он знал, как сражаться с индейцами; и в критический момент — "роковые пять минут между победой и поражением" — он доказал, что равен любому солдату, когда-либо сражавшемуся против краснокожих в Северной Америке.

ГЛАВА VII

СНОВА ДЕТРОЙТ

В то время как форт Питт сопротивлялся индейцам Огайо, а Букет пробивался через ущелья Аллегани на помощь, форт Детройт все еще находился на осадном положении. Разгром отряда Дейлиелла при Блади-Ране придавал индейцам большую степень уверенности. Однако они не осмелились пойти на генеральное наступление, а просто держали гарнизон в курсе своего присутствия беспорядочными и раздражающими атаками.

До 3 сентября ничего важного не происходило. В этот день маленький "*Глэдвин*", отправившийся к Ниагаре с депешами, на обратном пути вошел в реку Детройт. Судном командовал капитан Хорст, которому помогал Джейкобс в качестве помощника капитана, и команда из десяти человек. На борту также находились шесть индейцев-ирокезов. Утро было тихое, и пока судно стояло с лениво хлопающими парусами в ожидании попутного ветра, ирокезы попросили разрешения размять конечности на берегу. Хорст по глупости удовлетворил их просьбу, и как только они совершили посадку, они исчезли в лесу, и, без сомнения, поспешили к воинам Понтиака, чтобы сообщить им, насколько слабо укомплектована шхуна. Погода оставалась спокойной, и к наступлению ночи "*Глэдвин*" все еще находился в девяти милях ниже форта. Когда в ту безлунную ночь стемнело, капитан, встревоженный бегством ирокезов, выставил тщательную охрану и приготовил свои пушки на носу и корме к отражению атаки. Ночь была такой темной, что невозможно было различить предметы ни на каком расстоянии. Вдоль черного берега собирались индейцы, и вскоре флотилия каноэ, в которой

находилось более трехсот воинов, медленно и бесшумно двигалась к успокоившемуся *Гладвину*. Они приближались так бесшумно, что были в нескольких ярдах от судна, прежде чем бдительный часовой, боцман, заметил их. Услышав его предупреждающий крик, команда бросилась в свои каюты. Прогремел выстрел носового орудия, и его вспышка позволила маленькой группе на лодке на мгновение увидеть орду нарисованных врагов. Перезаряжать ружье не было времени. Каноз были повсюду вокруг шхуны, и оружие воины карабкались по корме и носу и копошились на палубе. Команда разрядила в дикарей из своих мушкетов, а затем схватила копья и топоры и яростно бросилась на них, нанося удары и пронзая — решив, по крайней мере, дорого продать свои жизни. На мгновение индейцы в кромешной тьме отступили от яростной атаки. Но Хорст уже был убит, а несколько человек из команды лежали со смертельными ранениями. Судно, казалось, было потеряно, когда Джейкобс — отчаянный моряк, который теперь командовал кораблем, приказал своим людям взорвать судно. Храбрый виандот, немного знавший английский, уловил слова и прокричал предупреждение своим товарищам. В одно мгновение каждый воин оказался за бортом судна, гребя на веслах или вплавь, чтобы добраться до безопасного места. Когда наступило утро, не было видно ни одного индейца, и маленький *"Глэдвин"* с триумфом отплыл в форт Детройт. Храбрость ее экипажа была оценена так высоко, что в Амхерсте отчеканили специальную медаль и вручили каждому из выживших.

Тем временем на Ниагаре припасы доставлялись по волоку между нижней пристанью (ныне Льюистон) и фортом Шлоссер в готовности к транспортировке на западные посты. Сенека претендовали на территорию около Ниагары, и вторжение на их землю вызвало у них сильное раздражение. Их особенно возмущали действия некоторых скваттеров, которые без их согласия поселились вдоль Ниагарского волока. Форт Ниагара был слишком силен, чтобы его можно было взять штурмом; но сенека надеялись, выждав время, нанести смертельный удар по партиям, перевозившим товары по волоку. Такая возможность представилась 14 сентября. В этот день сержант и двадцать восемь человек были заняты сопровождением к пристани обоза и вьючных лошадей, которые накануне отправились в форт Шлоссер, нагруженные припасами. Путешествие вверх по реке было успешно совершено, и отряд возвращался, потеряв бдительность и не имея ни малейшей мысли об опасности. Но за каждым их движением следили индейские разведчики, а у Дьявольской дыры, недалеко от водопада, в засаде расположились пятьсот воинов. Медленно возвращавшийся обоз с провизией прокладывал себе путь вдоль берега Ниагары. Справа были высокие утесы, поросшие густым лесом; слева — обрыв, у подножия которого бушевала река. В ушах солдат и водителей звучал оглушительный рев могучего водопада. Когда люди и лошади пробирались мимо Дьявольской дыры, из густого леса справа от них донеслись дикие крики, и одновременно раздался залп из сотни мушкетов. Перепуганные лошади бросились с обрыва, увлекая за собой повозки и погонщиков. Когда дым рассеялся и дикари бросились вперед, не было видно ни одного живого члена эскорта, ни погонщика. Командир эскорта, Филип Стедман, с первого же крика понял критический характер ситуации и, прищипорив своего коня, бросился в кусты. Воин схватил его за поводья, но Стедман сбил его с ног и свободным галопом поскакал к форту Шлоссер. Мальчик-барабанщик, опасаясь за свою жизнь, прыгнул со скалы. По счастливой случайности ремень его барабана зацепился за ветку густого дерева; здесь он оставался подвешенным до тех пор, пока индейцы не покинули это место, когда он выбрался сам. Одному из погонщиков также удалось спастись. Он был ранен, но сумел откатиться в кусты и укрыться в густом подлеске. Ужасающая ружейная стрельба была слышна на нижней площадке, где расположились лагерем части войск 60-го и

80-го полков. Солдаты поспешно вооружились и в большом беспорядке бросились на помощь конвою. Но индейцев сейчас не было у Дьявольской дыры. Завершив там убийственную работу, они заняли позицию в густом лесу в полумиле дальше, где молча ждали. Они хорошо выбрали место для укрытия, и солдаты в возбуждении пошли прямо в расставленную для них ловушку. Внезапно раздались зловещие боевые кличи, и прежде чем войска смогли повернуться лицом к врагу, шквал пуль обрушился на их левый фланг. Затем воины выскочили из своей засады, поражая томагавками живых и снимая скальпы как с мертвых, так и с умирающих. За несколько минут пять офицеров и семьдесят шесть рядовых были убиты и восемь ранены, а из более чем ста человек только двадцать остались невредимыми. Известие об этой второй катастрофе заставило майора Уилкинса выступить из форта Ниагара со всеми доступными людьми, чтобы наказать индейцев. Но когда Уилкинс и его люди прибыли на место ужасной резни, там не было ни одного краснокожего. Индейцы скрылись в лесу, предварительно сняв со своих жертв даже одежду. С тяжелым сердцем войска двинулись обратно к Ниагаре, оплакивая потерю многих доблестных товарищей. Это была величайшая катастрофа Понтиакской войны с человеческими жертвами; но, как и поражение при Дейлиелле, это мало повлияло на ход кампании. Индейцы не последовали его примеру; со скальпами и награбленным они вернулись в свои деревни, чтобы предаться диким оргиям по поводу победы.

Детройт все еще был осажден, но индейцы начинали слабеть и по большей части потеряли надежду заставить гарнизон сдаться. В плане пропитания они почти полностью зависели от поселения, а провизия была на исходе. Боеприпасы тоже были почти на исходе. Они пополнили свои запасы в течение лета за счет сделанных ими захватов, грабежа торговцев и покупки или дара от французов берегов Миссисипи. Теперь у них было мало надежды захватить больше судов с припасами; торговцы держались в стороне; и с тех пор, как поступили точные известия о сдаче Великобританией Францией региона к востоку от Миссисипи, поставки от французов были прекращены. Если индейцы хотят избежать голодной смерти, они должны рассеяться по своим охотничьим угодьям. Была и другая причина, по которой многие вожди сочли разумным покинуть окрестности Детройта. Они узнали, что майор Уилкинс направляется с Ниагары с большим отрядом и флотилией бато, груженых боеприпасами и припасами. Итак, в начале октября потаватоми, вайандоты и чиппева провели совет и пришли к выводу зарыть топор войны и заключить мир с Глэдвином. 12 числа того же месяца делегация из этих племен прибыла в форт с трубкой мира. Глэдвин по опыту знал, как мало им можно доверять, но он оказал им, казалось бы, сердечный прием. Вождь по имени Вапокомогут выступил в качестве представителя и заявил, что представленные племена сожалеют о "своем плохом поведении" и готовы заключить мирный договор. Глэдвин ответил, что не в его власти даровать мир индейцам, которые без причины напали на войска своего отца, короля Англии; это может сделать только главнокомандующий; но он согласился на прекращение военных действий. Он сделал это тем охотнее, что в форте не хватало продовольствия, а перемирие дало бы ему возможность пополнить запасы провизии.

Когда осенние морозы окрасили клены в яркие тона, потаватоми, вайандоты и чиппева отправились на поля, где было много дичи; но какое-то время Понтиак со своими оттавами оставался, угрожая гарнизону, и все еще был тверд в своей решимости продолжать осаду. Летом он отправил послов в форт Шартр на Миссисипи с просьбой о помощи в борьбе с тем, что, по его утверждению, было битвой французских торговцев. Ближе к концу июля гонцы вернулись с вестью от Нейона де Вилье, коменданта форта Шартр, в которой говорилось, что он должен дожидаться более определенных известий относительно того, был ли заключен мир

между Францией и Англией. Понтиак все еще надеялся; и после того, как его союзники дезертировали, он ждал в своем лагере над Детройтом дальнейших известий от Нейона. В последний день октября Луи Сезар Декиндр прибыл в Детройт из форта Шартр с сокрушительным ответом, что Нейон де Вилье не может оказать ему никакой помощи. Англия и Франция жили в мире, и Нейон посоветовал оттавам — без сомнения, с неохотой и только из— за требования Амхерста - зарыть топор войны и отказаться от бесполезного соперничества. Продолжать борьбу в настоящее время было бы напрасно. Понтиак, хотя и был взбешен дезертирством своих союзников и тем, что казалось ему трусливым поведением французов, сразу же решил смириться с ситуацией, просить мира и строить планы будущих действий. До сих пор он боролся якобы за восстановление французского правления. В будущем, какой бы план он ни разработал, его борьба должна быть исключительно в интересах красного человека. На следующий день он отправил Глэдвин письмо, в котором умолял забыть прошлое. Его молодые люди, по его словам, закопали свои топоры, и он заявил, что готов не только заключить мир, но и "разослать всем странам, вовлеченным в войну", призывы прекратить военные действия. Глэдвин не мог доверять словам Понтиака, и все же он проявил дружелюбие по отношению к вероломному заговорщику, который почти шесть месяцев не давал ему покоя. Взгляды Глэдвина на ситуацию в то время хорошо показаны в отчете, который он сделал Амхерсту. Индейцы, сказал он, потеряли многих своих лучших воинов и вряд ли снова выступят единым фронтом. Именно в этом отчете он высказал уникальное в военном деле предложение уничтожить индейцев путем свободной продажи им рома. "Если ваше превосходительство, - писал он, - все еще намеревается и дальше наказывать их за их варварство, это легко можно сделать без каких-либо затрат для короны, разрешив свободную продажу рома, который уничтожит их эффективнее огня и меча". Он думал, что французы были настоящими заговорщиками войны с индейцами: "Я не думаю, что возникнет какая-либо опасность того, что они [индейцы] снова взбунтуются, при условии, что будут приведены примеры наших хороших друзей, французов, которые их натравили".

Понтиак и его банда дикарей поплыли на юг, к Мауми, и провели зиму среди индейцев в верховьях реки. Он снова нарушил данное слово и замыслил новую конфедерацию, более могущественную, чем Три Огня, и разослал гонцов с поясами вампума и красными топориками ко всем племенам, расположенным так далеко на юг, как устье Миссисипи, и так далеко на север, как Красная Река. Но его слава ушла. Он мог звать; но воины не пришли, когда он их позвал.

Форт Детройт был освобожден от враждебных индейцев, и солдаты могли отправиться отдыхать, не ожидая услышать призыв к оружию. Но до окончания года ему предстояло стать свидетелем еще одной трагедии. Через две или три недели после резни в Дьявольской дыре майор Уилкинс примерно с шестью сотнями солдат выступил из форта Шлоссер с флотилией бато в Детройт. Похоже, не было предпринято никаких мер по отправке разведчиков, чтобы узнать, свободен ли лес, окаймляющий реку выше водопадов, от индейцев, и, когда бато медленно продвигались против быстрого потока к озеру Эри, они подверглись жестокому нападению индейцев с западного берега такой силы, что Уилкинс был вынужден отступить в форт Шлоссер. Только в ноябре была предпринята еще одна попытка перебросить войска и провизию в Детройт. В начале этого месяца Уилкинс снова выступил из форта Шлоссер, на этот раз с сорока шестью бэтээрами, тяжело груженными войсками, провизией и боеприпасами. Пока они были на озере Эри, разразился один из внезапных штормов, столь распространенных на Великих озерах осенью. Вместо того чтобы ползти вдоль берега, бато оказались на середине озера, и прежде

чем удалось совершить посадку, шторм обрушился на них со всей своей яростью. Шла дикая гонка за сушей; но беспокойное, бурное море билось о лодки, некоторые из которых были затоплены, и команды погрузились в холодные воды. Они находились напротив неприступного берега, названного Уилкинсом Лонг-Бич, но времени искать гавань не было. Была предпринята попытка высадиться на берег с катастрофическими результатами. Всего было потоплено шестнадцать лодок; утонули три офицера, четыре сержанта и шестьдесят три рядовых. Тридцать лодок, доставленных на берег, были в затонувшем состоянии; половина провизии была утеряна, а остальное пропиталось водой. О поездке в Детройт не могло быть и речи. Немногих спасенных запасов провизии остаткам солдат Уилкинса не хватило бы и на месяц, а боеприпасы были почти полностью израсходованы. Даже если бы им удалось благополучно добраться до Детройта, они были бы только дополнительным бременем для Глэдвина; и поэтому, с болью в сердце от неудачи и потери товарищей, выжившие пробивались обратно к Ниагаре.

Неделю или две спустя в форт Детройт прибыл гонец с известием о катастрофе. В Детройте не хватало провизии, и Глэдвин решил сократить свой гарнизон. Оставив в форте около двухсот человек, остальных он отправил на Ниагару. Затем оставшиеся в Детройте силы приготовились пережить тяжелую, одинокую зиму. Их судьба была не из приятных. Гарнизонная служба зимой в северных частях Северной Америки никогда не была приятной, но в предыдущие зимы в Детройте дружеское общение между солдатами и поселенцами не делало это время года невыносимым. Теперь так много французов сочувствовали осаждавшим индейцам и даже активно помогали им, что старые отношения не могли быть возобновлены. Итак, в течение этой зимы 1763-64 годов гарнизон по большей части держался в стороне от французских поселенцев и выполнял свой утомительный круг военных обязанностей, с нетерпением ожидая весны и появления подкрепления.

ГЛАВА VIII

ЗАВЕРШЕНИЕ ВОЙНЫ С ИНДЕЙЦАМИ

Амхерст устал от Америки. В начале лета 1763 года он попросил освободить его от командования; но только в октябре генерал Томас Гейдж, в то время возглавлявший правительство Монреаля, был назначен его преемником, и только 17 ноября, на следующий день после прибытия Гейджа в Нью-Йорк, Амхерст отплыл в Англию.

Новый главнокомандующий не был таким великим генералом, как Амхерст. Сомнительно, что он мог спланировать и довести до успешного завершения такие кампании, как осада Луисбурга и тройной поход 1760 года на Монреаль, которые обеспечили его предшественнику высокое место в военной истории Северной Америки. Но Гейдж лучше подходил для завершения войны с индейцами. Он знал ценность офицеров, знакомых с индейскими племенами, и был готов следовать их советам. Амхерст этого не сделал, и теперь его лучшие офицеры стремились уйти в отставку. Джордж Кроган ушел с поста помощника суперинтенданта по делам индейцев, но позже Гейдж убедил его остаться на своем посту. Глэдвин был "смертельно утомлен" своим командованием и надеялся, что его "скоро сменят"; Блейн и Оури устали от своих постов; а храбрый Экайер в отчаянии писал: "Ради Бога, позвольте мне пойти выращивать капусту". Букет; тоже, хотя и был полон решимости довести войну до конца, не был удовлетворен сложившейся ситуацией.

Между тем сэр Уильям Джонсон не сидел сложа руки среди племен Шести народов. Неудача Понтиака при взятии форта Детройт и победа Букета при Эдж-Хилл убедили ирокезов в том, что в конечном итоге победят британцы, и, стремясь быть на стороне победителя, они согласились выйти на поле против шауни и делаваров. В середине февраля 1764 года, под влиянием Джонсона и с его помощью, двести тускарора и Онейда под командованием полковника, капитана Монтура, двинулись на запад. Недалеко от главного притока Саскуэханны они напали на сорок делаваров, совершавших экспедицию за скальпами против британских поселений, и взяли в плен весь отряд. Несколько недель спустя несколько могавков во главе с Джозефом Брантом (Тайенданегеа) разгромили другую банду делаваров, убив их вождя и взяв троих в плен. Эти нападения ирокезов привели к унынию шауни и делаваров и сильно встревожили сенеки, которые, опасаясь, что их собственная страна будет опустошена, послали депутацию из четырехсот своих военачальников в Джонсон—Холл - резиденцию сэра Уильяма Джонсона на Могавке - просить мира. Было решено, что сенеки должны немедленно прекратить все военные действия, никогда больше не поднимать оружие против британцев, выдать всех заключенных в Джонсон-Холле, уступить Его Величеству Ниагарский перевал, разрешить свободный проход войск через свою страну, отказаться от всех сношений с делаваками ишауни и помочь британцам наказать их. Таким образом, в начале 1764 года благодаря энергии и дипломатии сэра Уильяма Джонсона могущественные Сенеки были приведены к соглашению.

С наступлением весны начались серьезные приготовления к двойному вторжению в страну индейцев. Одна армия должна была двинуться на Детройт через Ниагару и озера, а другая из форта Питт должна была выступить против делаваров и шауни. Полковнику Джону Брэдстриту, который в 1758 году отличился взятием форта Фронтенак, было поручено командование контингентом, который должен был отправиться в Детройт. Брэдстрит должен был наказать вайандотов Сандаски, а также членов Оттавской конфедерации, если сочтет их враждебными. Он также должен был сменить Глэдвина и заново расставить гарнизоны в фортах, захваченных индейцами в 1763 году. Брэдстрит покинул Олбани в июне с большим отрядом колониальных войск и регулярных войск, включая триста франко-канадцев с острова Святого Лаврентия, которых Гейдж считал разумным завербовать, чтобы убедить индейцев, что им больше не нужно ожидать помощи от французов в их войнах против британцев.

Чтобы подготовить дорогу к прибытию Брэдстрита, сэр Уильям Джонсон заранее отправился на Ниагару, где созвал послов от всех племен, не только от тех, что принимали участие в войне, но и от всех, кто находился под его юрисдикцией. Он обнаружил, что его ожидает огромное скопление индейцев. Вигвамы более тысячи воинов были разбросаны по низменности в устье реки. За несколько дней их число выросло до двух тысяч — представителей наций, расположенных на востоке до Новой Шотландии, на западе до Миссисипи и на севере до Гудзонова залива. Понтиак отсутствовал, как не было и послов Делавера, шауни или Сенеки. Они отсутствовали из-за страха; но позже Сенека отправил депутатов ратифицировать договор, заключенный с Джонсоном в апреле. Когда Брэдстрит и его войска прибыли, переговоры были в самом разгаре. Почти месяц проводились советы, и, наконец, все присутствующие вожди заключили союз с британцами. Добившись этого, Джонсон 6 августа уехал из Ниагары к себе домой, в то время как Брэдстрит продолжил свое путешествие в сторону Детройта.

Брэдстрит остановился в Преск-Айле. Здесь его посетили мнимые депутаты от шауни и делаваров, которые якобы стремились к миру. Он заключил с ними условный договор и согласился встретиться с ними через двадцать пять дней в Сандаски, куда они должны были

доставить своих британских пленных. Из Преск'Айля он написал Букету в форт Питт, сообщив, что нет необходимости продвигаться в глубь страны делавэров, поскольку у делавэров теперь мир. Он также сообщил о своем успехе, как он считал, Гейджу, но Гейдж не был впечатлен: он дезавуировал договор и проинструктировал Буке продолжать приготовления. Продолжая свой путь, Брэдстрит остановился отдохнуть в Сандаски, где его ждали другие делавары и согласились заключить мир. Именно в этот момент он отправил капитана Томаса Морриса с его злополучной миссией к племенам Миссисипи. [Примечание: Моррис и его спутники не продвинулись дальше порогов Моми, где их схватили, сорвали одежду и пригрозили смертью. Понтиак теперь был среди жителей Майами, все еще пытаясь собрать сторонников для продолжения войны. Пленных доставили в лагерь Понтиака. Но глава Оттавы не счел разумным убивать британского офицера в данном случае, и Моррис был освобожден и вынужден вернуться по своим следам. Он прибыл в Детройт в середине сентября, но обнаружил, что Брэдстрит уже уехал. Более подробно с этой историей можно ознакомиться в книге Паркмана *"Заговор понтиака"*.]

Брэдстрит был в Детройте к 26 августа, и наконец-то измотанный гарнизон форта смог отдохнуть после пятнадцати месяцев изнурительной службы. Созвав индейцев на совет, Брэдстрит заключил договоры с рядом вождей и помиловал нескольких французских поселенцев, которые вместе с индейцами принимали активное участие в осаде Детройта. Затем он послал войска занять Мичилимакинак, Грин-Бей и Су-Сент-Мари; и отплыл в Сандаски, чтобы встретиться с делаварами и шауни, которые обещали доставить своих пленников. Но его никто не ждал: индейцы намеренно обманули его и тянули время, продолжая свои нападения на приграничных поселенцев. Здесь он получил письмо от Гейджа, приказывающее ему пренебречь договором, который он заключил с делаварами, и присоединиться к Букету в Форт-Питте, приказ, которому Брэдстрит не подчинился, сославшись на то, что низкий уровень воды в реках сделал невозможным продвижение к Форт-Питту. 18 октября он покинул Сандаски и направился к Ниагаре, ничего не добившись, кроме занятия фортков. Уже совершив безнадёжную ошибку в отношениях с индейцами, он должен был совершить еще большую ошибку. По пути вниз по озеру Эри он однажды ночью, когда надвигалась буря, разбил лагерь на открытом берегу, и шторм с северо-востока обрушился на его лагерь и уничтожил половину лодок. Двумстам восьмидесяти его солдатам пришлось идти к Ниагаре по суше. Многие из них погибли; другие, изголодавшиеся, измученные, обмороженные, добирались, шатаясь, по двое и по трое, примерно до конца декабря. Экспедиция потерпела фиаско. Это подорвало репутацию Брэдстрита и на какое-то время сделало британское имя презренным среди индийцев.

У другой экспедиции из Форта Питт другая история. Все лето Bouquet набирал войска для вторжения в страну Делавэр. Солдаты прибывали медленно, и только в конце сентября все было готово. В начале октября Буке выступил из форта Питт с тысячей провинциалов и пятьюстами постоянными солдатами. Перейдя Аллегани, он направился в северо-западном направлении, пока не достиг Бивер-Крик, а затем повернул на запад, в нетронутый лес. Индейцы долины Маскингум чувствовали себя в безопасности в своей дикой местности. Ни один белый солдат никогда не проникал в их страну. Чтобы добраться до их деревень, приходилось преодолевать густые леса, пересекать коварные болота и наводить мосты или переходить вброд многочисленные ручьи. Но к середине октября Буке привел свою армию, не потеряв ни одного человека, в сердце долины Маскингум и разбил свой лагерь возле индейской деревни под названием Тускарава, жители которой разбежались при его приближении. Делавары и шауни были в ужасе: победитель Эдж-Хилла был среди них с армией, достаточно сильной, чтобы

превратить в атомы любую военную партию, которую они могли собрать. Они послали депутатов в Буке. Сначала они напустили на себя надменный вид, но Буке сурово отчитал их и приказал встретить его у развилки Мускингама, в сорока милях к юго-западу, и привести всех своих пленников. К началу ноября войска были в назначенном месте, где они разбили лагерь. Затем Буке разослал гонцов по всем племенам, приказав им без промедления доставить туда всех пленников. Все белые мужчины, женщины и дети, находящиеся в их руках, французы или британцы, должны быть выданы. После некоторого колебания индейцы поспешили подчиниться. Было приведено около двухсот пленников, и вожди были оставлены в качестве заложников для безопасной доставки других, все еще находившихся в руках отдаленных племен. До сих пор Буке был суров и непреклонен; он напомнил индейцам об убийстве ими поселенцев и об их черном предательстве по отношению к гарнизонам и намекнул, что, если бы не доброта их отца-британца, они были бы полностью уничтожены. Теперь он уступил и предложил им щедрый договор, который должен был быть составлен и согласован позже сэром Уильямом Джонсоном. Затем Буке вернулся по своим следам в форт Питт и прибыл туда 28 ноября со своей длинной вереницей освобожденных пленников. Он одержал победу над индейцами, более крупную, чем его триумф при Эдж-Хилл, и тем более крупную, что она была достигнута без единого удара.

Однако еще предстояло проделать важную работу, прежде чем станет возможной какая-либо гарантия постоянного мира во внутренних районах страны. На восточном берегу Миссисипи, в пределах страны, отошедшей к Англии по Парижскому мирному договору, находилось важное поселение, над которым все еще развевался французский флаг и в которое не проникали ни британские войска, ни торговцы. Это был рассадник заговора. Даже в то время, когда Буке заключал мир с племенами между Огайо и озером Эри, Понтиак и его агенты пытались посеять смуту британцам среди индейцев Миссисипи.

Французское поселение на Миссисипи началось в деревне Каскаския, в восьмидесяти четырех милях к северу от устья реки Огайо. Еще в шести милях к северу находился форт Шартр, прочно построенный каменный форт, способный вместить триста человек. Отсюда, на некотором расстоянии от реки, пролежала дорога в Кахокию, деревню, расположенную почти напротив места нынешнего города Сент-Луис. Вторгшаяся страна была заселена преуспевающими торговцами и плантаторами, которых, включая их четыреста негритянских рабов, насчитывалось не менее двух тысяч. Но когда стало известно, что вся территория к востоку от великой реки отошла к Британии, поселенцы начали мигрировать на противоположный берег. Французы здесь были враждебны к прибывающим британцам и опасались, что теперь они могут потерять прибыльную торговлю с Новым Орлеаном. Именно этот регион Гейдж был полон решимости оккупировать.

Уже были предприняты попытки добраться до форта Шартр. В феврале 1764 года майор Артур Лофтус выступил из Нового Орлеана с четырьмя сотнями человек; но, когда он был примерно в двухстах сорока милях к северу от места отправления, две его передовые лодки были обстреляны индейцами. Шесть человек были убиты и четверо ранены. Наступление означало бы уничтожение всей его роты. Лофтус вернулся в Новый Орлеан, обвинив французских официальных лиц в том, что они не поддержали его предприятие, и даже намекнул, что они несут ответственность за нападение. Несколько недель спустя капитан Филипп Питтман прибыл в Новый Орлеан с намерением подняться вверх по реке; но сообщения о вражде индейцев к британцам заставили его отказаться от этого предприятия. Итак, в начале 1765 года

французский флаг все еще развевался над фортом Шартр; и Сент-Анж, сменивший Нейона де Вилле на посту коменданта форта, молился, чтобы британцы поскорее прибыли, чтобы освободить его от положения, в котором Понтиак или его эмиссары ежедневно донимали его просьбами о помощи против того, что они называли общим врагом.

Но если путь в форт Шартр через Новый Орлеан был слишком опасен, то Бауке очистил Огайо от врагов, и страна, которую Гейдж стремился оккупировать, теперь была доступна по этой реке. В качестве предварительного шага Джордж Кроган был заранее отправлен с подарками для индейцев по маршруту следования. В мае 1765 года Кроган покинул форт Питт в сопровождении нескольких солдат и нескольких дружественных вождей шауни и делавэров. Недалеко от устья Уобаша бродячая банда кикапу напала на отряд, убив нескольких, а остальных взял в плен. Кроган и его товарищи по заключению были доставлены к французским торговцам в Венсенне, где их освободили. Затем они отправились в Уиатанон, где Кроган провел совет и убедил многих вождей присягнуть на верность британцам. Покинув Уиатанон, Кроган прошел совсем немного на запад, когда его встретил Понтиак с несколькими вождями и воинами. Наконец главный заговорщик был готов прийти к соглашению. Французы на Миссисипи не окажут ему никакой помощи. Теперь он понял, что его народ покорен, и, пока не стало слишком поздно, он должен заключить мир со своими завоевателями. У Крогана больше не было причин продолжать свое путешествие; поэтому в сопровождении Понтиака он отправился в Детройт. Прибыв туда 17 августа, он сразу же созвал совет племен по соседству. На этом совете присутствовал Понтиак, один из вождей, которыми он руководил в течение нескольких месяцев осады Детройта. Но это был уже не тот Понтиак: его надменный, властный дух был сломлен; его надеждам на создание индийской империи пришел конец. "Отец, - сказал он на этом совете, - я заявляю всем нациям, что я заключил мир с вами до того, как приехал сюда; и теперь я вручаю свою трубку сэру Уильяму Джонсону, чтобы он знал, что я заключил мир и признал короля Англии своим отцом в присутствии всех собравшихся сейчас наций". Он также согласился посетить Освего весной, чтобы заключить договор с самим сэром Уильямом Джонсоном. Теперь путь для продвижения войск к форту Шартр был расчищен. Как только весть об успехе Крогана достигла форта Питт, капитан Томас Стерлинг со ста двадцатью бойцами Черного дозора отправился на лодках к Миссисипи, прибыв 9 октября в форт Шартр, первые британские войска, ступившие на эту территорию. На следующий день Сент-Анж вручил Стерлингу ключи от форта, и над ним был поднят британский флаг. Таким образом, почти через три года после подписания Парижского мирного договора лилии исчезли с территории, тогда известной как Канада.

Нам еще предстоит записать заключительный акт в публичной карьере Pontiac. Сэр Уильям Джонсон, опасаясь, что вождь Оттавы может не сдержать своего обещания посетить Освего для ратификации договора, заключенного с Кроганом в Детройте, в марте 1766 года отправил Хью Кроуфорда с поясами и посланиями к вождям Оттавской конфедерации. Но Понтиак уже готовился к своему путешествию на восток. Ничто в его жизни не было более похвальным, чем его смелая решимость присутствовать на совете вдали от своих охотничьих угодий, на котором он был бы окружен солдатами, пострадавшими от его рук предательства и жестокости, - чьих товарищей он пытал и убил.

23 июля в Освего начался большой совет, на котором сэр Уильям Джонсон и Понтиак были наиболее заметными фигурами. Три дня продолжались церемонии и речи; и на третий день

Понтиак поднялся в собрании и дал обещание, которое он должен был неукоснительно сдерживать: "Я беру Великого Духа в свидетели, - сказал он, - что то, что я собираюсь сказать, я твердо намерен выполнить... Пока я держал французского короля за руку, я крепко держал его; и теперь, когда ты, отец, держишь меня за руку, я сделаю то же самое вместе со всеми западными нациями в моем округе".

Перед окончанием совета Джонсон вручил каждому из вождей серебряную медаль с выгравированными на ней словами: "Залог мира и дружбы с Великобританией, подтвержденный в 1766 году". Он также нагрузил Понтиака и его братьев-вождей подарками; затем, в последний день июля, индейцы разбрелись по своим домам.

В течение трех лет Понтиак, подобно неугомонному духу, переезжал из лагеря в лагерь и с охотничьих угодий на охотничьи угодья. В Индии происходили вспышки военных действий, но ни в одной из них он не принимал участия. Его имя никогда не фигурирует в отчетах за эти три года. Дни его заговорщической деятельности подошли к концу. Многие французы и индейцы не доверяли ему как британскому пенсионеру, а британские торговцы и поселенцы ненавидели его за его прошлые деяния. В 1769 году он посетил Миссисипи и, находясь в Кахокии, присутствовал на пьяном веселье, устроенном несколькими индейцами. Когда он покинул пиршество, одурев от действия рома, за ним последовал в лес индеец из каскадии, вероятно, подкупленный британским торговцем. И когда Понтиак, пошатываясь, скрылся в черных тенях деревьев, его преследователь подкрался к нему сзади и быстрым взмахом томагавка раскроил ему череп. Так вероломный удар положил конец карьере воина, главным оружием которого было предательство.

В течение двенадцати лет Англия с помощью военных офицеров управляла обширными внутренними районами к востоку от Миссисипи - регионом обширным и богатым, население которого сейчас намного превышает население всего обширного Доминиона Канада, — регионом, который сегодня усеян такими великолепными городами, как Чикаго, Детройт и Индианаполис. К несчастью, Англия не предпринимала никаких усилий для колонизации этой дикой империи. Действительно, как сказал Эдмунд Берк, она предприняла "попытку сохранить как логово диких зверей ту землю, которую Бог по прямому уставу дал детям человеческим". Она запретила селиться во внутренних районах. Она сделала это якобы для индейцев, но на самом деле для торговцев в метрополии. В отчете лордов-комиссаров по торговле и плантациям за 1772 год есть слова, которые показывают, что намерением правительства было ограничить "западную протяженность поселений таким расстоянием от побережья, чтобы эти поселения находились в пределах легкой досягаемости для торговли этого королевства ... а также для осуществления этой власти и юрисдикции ... необходимых для сохранения колоний в должном подчинении и зависимости от метрополии".... Нам представляется, что расширение торговли пушниной полностью зависит от того, будут ли индейцы беспрепятственно владеть своими охотничьими угодьями.... Пусть дикари спокойно наслаждаются своими пустынями. Если бы они были изгнаны из своих лесов, торговля шкурами сократилась бы, и не исключено, что в них нашли бы убежище худшие дикари".

Много было написано о гербовом сборе и налоге на чай как причинах американской революции, но эта решимость ограничить колонии атлантическим побережьем "сделала революцию неизбежной". [Сноска: "*Победа Запада*" Рузвельта, часть i, стр. 57.] В 1778 году, через три года после того, как был обнажен меч, когда американские войска под

командованием Джорджа Роджерса Кларка вторглись в страну индейцев, были легко захвачены английские посты со слабыми гарнизонами, которые в то время по Квебекскому закону находились под управлением правительства Канады; и, когда после войны были сведены счета, вся внутренняя территория к югу от Великих озер, от Аллегани до Миссисипи, перешла к Соединенным Штатам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Основным источником информации об осаде Детройта является "Рукопись Понтиака". Это произведение переводилось несколько раз, лучшим и самым последним переводом является перевод Р. Клайда Форда для журнала *"Заговор Понтиака"* за 1763 год под редакцией К. М. Бертоне. К сожалению, рукопись резко обрывается на середине описания боя в "Кровавом беге".

Следующие работы будут найти большую помощь студенту: Роджерс журналов; КАС дискурса до Мичиган-Историческое Общество; Генри путешествиях и приключениях в Канаде и индейских территориях; Паркмана заговор Понтиака (самом полном и лучшем лечении теме); Эллис жизни Понтиак, заговорщик (сборник Паркмана работы); историческое повествование о походе против индейцев Огайо, 1764 (авторство сомнительно, но, вероятно, написана доктор Уильям Смит из Филадельфии); Стоуна жизнь и времена сэра Уильяма Джонсона; Дрейк индейцев Северной Америки; руководство американских индейцев к северу от Мексики и руководства индейцев Канады; OGG и это открытие Миссисипи; Рузвельта, победившего Запада; Картер штата Иллинойс страны; пиво британской колониальной политики, 1754-1765; Эдер истории американских индейцев; в ежегодном регистре за годы 1763, 1764 и 1774; Харпера энциклопедия истории Соединенных Штатов; Повналл в администрации колонии; Бэнкрофт истории Соединенных Штатов; Кингсфорд по истории Канады; Винзор это повествование и критической истории Америки, и его бассейн Миссисипи; Гордон истории Пенсильвании; Лукас в истории Канады, 1763-1812; Gayarre по истории Луизианы; и Макмастер по истории народа Соединенных Штатов.

В 1766 году в Лондоне была опубликована довольно примечательная драма под названием *Понтич, или Дикари Америки*. Часть этого вы найдете в приложениях к книге Паркмана *"Заговор понтиака"*. Паркман предполагает, что Роберт Роджерс, возможно, приложил руку к созданию этой драмы.

КОНЕЦ